

андрей
караулов

русский ад
на пути к преисподней

Андрей Викторович Караулов
Русский ад. На пути к преисподней
Серия «Политические тайны XXI века»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373177
Русский ад. На пути к преисподней: Алгоритм; М.; 2011
ISBN 978-5-9265-0626-3

Аннотация

«Приближение к преисподней» – первая часть романа известного тележурналиста, автора программы «Момент истины» Андрея Караулова. Действие происходит в 1992 году. Только что распался СССР, но начинает уже распадаться и Россия, гибнет ее экономика, промышленность, оборона, наука, образование... Автором ярко и со знанием дела представлена картина острейшего кризиса, который поразил тогда Россию. Он открывает нам тайную подоплеку событий, предшествовавших кровавым дням Октября 1993 года. Герои романа Караулова – те, кто управлял Россией в это время. В условиях приближающейся катастрофы они ведут беспощадную, не на жизнь, а на смерть борьбу за власть и деньги, превращая жизнь страны в подлинный ад.

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	26
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Викторович Караулов Русский ад. На пути к преисподней

РУССКИЙ АД

На пути к преисподней

Прошу читателей не относиться к моему роману как к историческому источнику. Все события, в нем описанные, полностью придуманы, а совпадения имен, отчеств и фамилий его героев с реальными персонажами русской истории конца XX века – случайная вещь...

Я не знал, что человек может вынести столько страданий...
Федор Гааз, врач

1

На земле не осталось ничего святого. С этим невозможно смириться, но с этим надо смириться, пора.

Солнце, ты где? Ты есть? Солнце, ты не мираж?

Собачий холод, собачий климат, колоссальные земли – дикие земли, девяносто регионов, огромная страна, из них пятьдесят областей (почти половина) не годятся для жизни – это не наказание?

Нет, были в России счастливые времена, были! 17-й год перечеркнул их крест-накрест: большевики убили Николая, *помазанника Божьего*, и Небожитель, естественно, отвернулся от России; если судить по ненависти, скопившейся в народе, Бог отвернулся от России на века; ненависть это и есть потеря Бога.

Гнев господний наказал нацию: Советский Союз в XX веке дал – своим народам – настоящую грамоту, но отнял у них две книги, прежде всего две книги: Библию и Конституцию.

Когда в 93-м танки сожгли парламент, стало ясно: России не нужны Библия и Конституция. Они как бы есть – но их нет. Исчезли. Мираж. Стоят на книжных полках до лучших времен. А раз так, Президентом в Российской Федерации может быть кто угодно, кто выскочит вперед, тот и будет Президентом, любой гражданин (жулики и бандиты – не исключение)...

Вот к чему пришла Россия в XXI веке.

Если лидер сумел повести за собой людей, воспользовавшись моментом, какова дальнейшая цель лидера? – Правильно – погнать этих людей впереди себя!

В середине XX века Россия спасла планету от Гитлера – своей кровью. В XXI веке Россия (больше никому) еще раз спасет человечество – своими нефтью, газом, лесом, водой (питьевой водой, сибирскими реками) и – землями, собственной территорией.

Это судьба: страшно терять десятки миллионов людей, страшно (еще страшнее?) *отдавать свою независимость* – богатства и земли. При фантастическом – в окружающих Россию странах – росте населения, совершенно очевидно, что русские земли не могут «работать» только на Россию, но в России они и на Россию не работают, вот в чем дело! Из-за бардака, который по-прежнему творится в нашем государстве, не только Россия, нет, весь мир недополучает сегодня продовольствия. Катастрофа всюду: Африка, Китай, Юго-Восток, северные земли! Результат: пройдет 50–70 лет, и голод – неизбежен. Не только в России – везде! Не хватит пашни, хлеба, не хватит лугов, не хватит травы, то есть – мяса и молока...

Сейчас бедствуют десятки миллионов людей, но речь о другом голоде – о планетарном!

На 1/9 мировой суши, на гигантских просторах между Уралом и Сахалином, живет сегодня тридцать миллионов человек. На Дальнем Востоке – семь миллионов. В Японии (это половина Камчатки) более ста тридцати миллионов, чуть меньше, чем во всей России.

Миру, планете, не хватает земли. Японцы скупили в Австралии сотни тысяч гектаров, чтобы хоть как-то разместить свой народ, если с их островами, с Японией, что-нибудь случится. А Китай? Где Китай купит земли? У кого? Юго-Восточная Азия прибавляет – каждый год – по 100–130 миллионов человек. Что, война с Россией, что ли? Из-за земель? Где им жить, нашим соседям?!

Слава богу, человечество догадалось (вроде бы), что в XXI веке любая война есть даже не глупость, нет: это безумие; ядерные ракеты создаются не для войны, это ясно, они – как бивни у мамонта, которые не имели практического применения, но зато приносили мамонту особое положение на планете. Ракеты – это пугало в огороде, но этот огород – Земля! Ядерные ракеты (голосование идет с трех кнопок сразу, иначе пуск не состоится, голосуют Вер-

ховный главнокомандующий, министр обороны и начальник генерального штаба) – ядерные ракеты даже в случае войны никогда... прошли те времена... не взлетят в стратосферу, ибо ракеты (удар на удар) это и есть Апокалипсис... – Иными словами, Россия, сама Россия рано или поздно ляжет под крупный (очень крупный), но уже *мировой* капитал, подчиняясь в том числе и тем *авторитетным* голосам (голосу Президента, например), которые идут из самой России, из ее сердца, из Кремля!

Гайдар и Чубайс сразу сообразили, что без иностранного капитала власть в России они не удержат.

Геннадий Бурбулис, их *непосредственный* начальник, поставил государственную задачу: в России в течение года (пусть воруют!) должен появиться «класс собственников».

Любой ценой. То есть – за бесценок, за копейки. Если за копейки или за ваучеры, например, скидывать в частные руки объекты (движимые и недвижимые), которые стоят сотни миллионов долларов, может быть – миллиарды, «класс собственников» появится уже завтра – разве нет?

Торопитесь, ребята. Или – вернутся коммунисты, непременно вернутся, если только придут в себя, их миллионы, коммунистов, считай – вся Россия!

Гайдар и Чубайс штамповали этот «класс» двадцать четыре часа в сутки, создавая (для всех) иллюзию ваучерно-народной приватизации.

Иными словами – отдавали заводы, фабрики, комбинаты, в том числе и великие русские заводы («Тольяттиазот», например, вместе с уникальным аммиакопроводом от Волги до Одессы), тем, кто *хотел...* из штанов выпрыгивал – *как хотел...* забрать их в свои руки. Иными словами заводы, фабрики и комбинаты доставались (за редчайшим исключением) черт знает кому.

Президенту Ельцину было сказано:

а) если он, Ельцин, «не подпишется» на приватизацию по Гайдару – Чубайсу, не только они, его преданные министры, никто *в мире*, даже Соединенные Штаты Америки с их *умением как бы* дружить с Россией, ему, Борису Ельцину, не помогут; коммунисты быстро, в течение года, выкинут Ельцина из Кремля и отправят его на нары – хотя бы за Беловежскую Пушу;

б) коммунисты – это сила, Россия (по ментальности) страна совершенно «левая», рабоче-крестьянская, и победить *русскую стихию* может, извините, только «класс собственников», то есть другая *сила*, допустим – русские барыги, они же промышленники; российские народы безумно любят Бориса Николаевича, кто ж спорит... но опора новой власти это уже не народ, не рабочие и крестьяне, ну их к черту, этот плебс, ибо всякая энергия достаточно подозрительна. Опорой новой власти может быть только новый класс, свой *собственный класс!* Собственник никогда (какой интерес?) не пойдет против того, кто сделал его, собственника, *vip*-персоной, кто подарил ему деньги, власть, а значит и жизнь;

в) медлить нельзя, иначе судьба Президента России будет еще страшнее, чем судьба Чаушеску... – и хотя Ельцин чувствовал, знал, что эти парни, министры, просто нагоняют на него страх... да: знал, но молчал.

Закусил губу. Он банальным образом заткнулся, вот что! Призрак тюрьмы маячил перед ним. Ельцин закрывал глаза и *видел* себя на нарах. У окошка с решеткой, за которой осколок ночного неба со звездочкой вдали... А рядом – параша; струйки мочи бегут по холодному полу... Ельцин внимательно слушал коммунистические речи: Анпилова, Макашова, Константинова... он украдкой, чтоб никто не видел, гонял кассеты (оперативные съемки) с записью первомайских демонстраций, – Баранников информировал Президента о тех коммунистических митингах, где собирались хотя бы три-пять тысяч человек, но Ельцин был *уверен*, что госбезопасность скрывает от него всю правду...

А здесь – пожалуйста, Гайдар и Чубайс, которые твердят: Борис Николаевич, вы что? Вспомните Урал! Вспомните людей! Если на заводе... – на любом заводе, особенно в тех городах, где другой работы просто нет, вдруг появляется (приезжает из Москвы) сильный и умный начальник... новый директор... слушайте, он для рабочих уже «отец родной». Особенно после первой зарплаты или премии – все! Как директор скажет, так и будет. Так и проголосуют. Настоящий собственник (настоящий, не проходимец какой-нибудь) отбирает у коммунистов значительную часть их электората, это закон. Да как он грохнет кулаком, все вздрогнут, весь город услышит!

Прав Гайдар? Конечно. Прав Чубайс? Еще как! Рожа, правда, у него противная, у Чубайса, но что бог дал, то дал; Гайдар не лучше, печеньем, видно, в детстве обожрался, в доме, похоже, достаток был, хотя отец у него хронический алкоголик! Чубайс упертый... что ж, здорово – ...а чтобы отбить у людей охоту к правде, им окончательно заморочили головы.

Как? Грамотно. Подкинули акции. У россиян к документам особый пиетет. К бумагам. А – какие красивые бумаги, эти акции! Оторопь берет. Нарисован Московский Кремль с башнями, Красная площадь, гербы и печати. На башнях звезды горят! Кто ж не дрогнет, черт возьми, кто?..

Дрогнули люди. Танки пойдут – россияне выстоят (есть опыт). А вот перед акциями – нет, никто не устоял, подкосили бумаги со звездами российских людей. Точнее – подкупили. Господину народу было *официально* заявлено: «Люди, вы теперь тоже хозяева на своих заводах и фабриках, акционеры, можно сказать, ждите дивиденды!» Раздали картинки: кому – одна акция, кому – две, а кому – пять, шесть, пятнадцать штук... бумага, не жалко!

Многие (почти все) «новые русские хозяева», или, как их теперь называли, «члены трудового коллектива», ждут эти дивиденды по сей день. «Газпром», самая богатая (до прихода Алексея Миллера) компания России, выплатил дивиденды (первые дивиденды) своим акционерам только в 2001 году: по две копейки на акцию!..

Гуляй, рванина! Примитивный обман – самый надежный обман в Российской Федерации.

Словом, так: чтобы взять власть, Ельцин пустил под откос Союз Советских Социалистических Республик, а чтобы эту власть удержать, он опрокинул, доверившись Гайдару, российскую экономику и российский рубль...

Гайдар и Чубайс быстро нашли самые *главные* слова: государство – не эффективный собственник. Они убедили депутатов Верховного Совета, что необходимо *срочно* спасать страну. По ракетам и бронетехнике Россия – первая страна в мире, кто спорит! В остальном – ноль! Миф! Иными словами, Российская Федерация должна (как можно скорее) стать государством частников. Не частный *сектор*, нет, иначе: *государство* частников. Нефть, газ, золото, металлы, рыба... – забирайте, все забирайте, господа хорошие, будущие олигархи, в свои руки, «даешь рай на землю немедленно!».

Быстренько меняем, короче говоря, один строй на другой. Если раньше, при коммунистах, у государства были доходы, то теперь вместо доходов будут налоги; а доходы мы забираем себе, извините... – вот она, революция 91-го года!

Частники – те, кому повезет, кто успеет «к раздаче» раньше других, в том числе – и из-за рубежа, естественно, мы же либерализовали наш «рынок»!

Раньше всех к государственной «раздаче», бизнесу по-русски, так сказать, успели американцы. Чубайс принял *на работу* в Госкомимущество России около двадцати действующих сотрудников ЦРУ США, и они, люди в высоких чинах, стали *официальными консультантами* Комитета по имуществу Российской Федерации, читай – министерства по захвату недвижимости (приватизации). Итог: около 60 % оборонных заводов нашей страны, в том числе сотни – сотни! – уникальных предприятий, предмет зависти Соединенных Штатов, Европы, Японии, Китая были *стерты* с лица земли. Просто уничтожены. Россия наве-

гда, на веки вечные, потеряла (вместе с заводами) более пяти тысяч собственных открытий, собственных нанотехнологий, если угодно; равных им, особенно в обороне, нет в мире, на всей планете, по-прежнему нет. В мире – нет, и у нас их больше нет – все, потеряли! При Сталине, в разруху, Россия смогла произвести атомную бомбу. При Ельцине, в конце века, создать атомное оружие (повторить успех) было уже невозможно. У нас, у Советского Союза, имелось лучшее станкостроение в мире – под нож! Подшипники размером со спичечную головку, которые даже сегодня никто, ни одна страна в мире не может произвести, – под нож! Совершенно секретные институты в Подмоскowie, на Волге, в Новосибирске – под нож! Арзамас-16: в цехе, где Юлий Борисович Харитон делал (когда-то) бомбы, теперь разливали грузинское вино!

Американцы не только разоружили Россию, нет, хуже, они навсегда, на веки вечные, уничтожили нашу страну как своего конкурента на мировом рынке оружия. Ну и что? Галина Васильевна Старовойтова заявила, например, что продавать оружие – безнравственно, и предложила распустить КГБ и уничтожить внешнюю разведку: иметь разведчиков за границей – это тоже безнравственно!

Только от продажи оружия Россия потеряла – навсегда – сотни миллиардов долларов, при этом Гайдар и Чубайс, руководившие экономикой, имели, на самом деле, лишь самые общие представления о том, что производит, что создает или разрабатывает «первая тысяча» крупнейших российских предприятий.

Разбираться было некогда – да и зачем? За полтора года работы премьер-министр Гайдар побывал на трех заводах (и только в Москве), министр Чубайс – на одном. Они вообще могли бы никуда не ездить, им и так все понятно, министрам, что там делать, на заводе-то? Иное дело – макроэкономика! И хотя «макро» без «микро» не бывает, все это – уже детали!

Если Егор Тимурович Гайдар был тухлой, причем тухлой с тяжелой гипертонией и букетом других заболеваний, то Анатолий Борисович Чубайс был просто создан для того чтобы идти напролом.

Его никто не мог остановить. «Сдохнут тридцать-сорок миллионов – ну что теперь?! Выходит, в «рынок» не вписались!» – бросит Чубайс (1995 год) вице-премьеру Полеванову. То же самое он скажет и Попцову, который попытался, было, защитить – на заседании в Кремле – стариков, боровшихся с голодом на привокзальных площадях: «Их проблемы, Олег, их проблемы!»

Бунт молодых против стариков – всюду, везде по стране, «от Москвы до самых до окраин»; этот бунт – молодые против своих же отцов и дедов – вспыхнет даже на Кавказе: исключительный, уникальный штрих революции 91-го года...

Бунт молодых против стариков: Гайдар, Чубайс и некто Авен, их духовный наставник, были довольны – молодежь всегда права!

Чубайс жил в разных городах (отец был военным). Свое детство, холод и водку, снег, пургу, девочек в школе, целовавшихся с кем угодно, но не с ним, этот парень, Чубайс, не забудет никогда. И никогда не простит – своей стране.

Противное чувство – всегда чужой!.. Толя Чубайс был какой-то неухоженный, скользкий... у него не получалось *быть* среди ребят, хотя он искал их дружбы, искал, но не находил, особенно у тех, кого школа или улица выбирали в лидеры.

Чубайс был воспитан на «Битлз». А его Коммунальная улица предпочитала – под водочку – Владимира Семеновича Высоцкого. Записи «битлов» Чубайс однажды принес в школу. И – получил в зубы, за «битлов» его избили, причем здорово, в кровь, потому что Высоцкий – лучше.

Боже, как эти парни дрались! Драки в Одессе были, пожалуй, единственным развлечением детишек, особенно зимой. Дрались все: школа на школу, двор на двор, улица на улицу и (даже!) район на район. В «сборную» по рукоприкладству отбирали самых надежных и

мускулистых. А тех, кто драться не любил, боялся крови, карали жестоко, очень жестоко, по-русски: поджидали в подъездах и «рубил на говно», как говорил Серега Артюхов, ровесник Чубайса, его главный враг на веселых одесских окраинах.

Чубайса – «рубил». Игорь, старший брат, был куда крепче «ржавого Толика» и воевал как бы за двоих, в обществе это ценилось. Но относительно «говна» у Чубайса-младшего иллюзий не было: он прекрасно знал, как к нему относится передовая одесская молодежь.

За «говно» Россия (все мы) и ответит в итоге перед Чубайсом. Сразу за все: за холод в его квартире, за Серегу Артюхова, за вечно разбитую рожу и за то, что одесские парни не любили «битлов»...

Старый завуч Мария Вениаминовна, изучавшая ребятишек исключительно с точки зрения их пользы для Родины, относила Чубайса к категории «невыясненных». Почему он всегда в стороне? На кого Анатолий обижен? Почему он такой злой?..

Школа славилась своей самодеятельностью; в «Снежной королеве» Чубайсу дали роль Сказочника, но он не являлся на репетиции – игнорировал. А девчонки – вот ведь! – звали его «козлом». – Как так? – удивлялась Мария Вениаминовна, – Толя не дурак, знает стихи наизусть, очень любит маму и Михаила Лермонтова... ну а рыжий... это же природа, что тут сделаешь, козлы, между прочим, рыжими не бывают, они серые или черные, а рыжие – это «огневки» (лисы)...

Вырвавшись из одесских общежитий, Чубайс выбрал Ленинград – грязный, холодный и совершенно чужой ему город, великий город с областной судьбой. Родную Одессу он – отныне – объезжает за тысячу верст. И Ленинград... гордый, надменный, сырой Ленинград... его *духовный* враг. Чубайса здесь *тоже* никто *не увидел* – никто! Он покрывался пятнами, если кто-то называл его «питерским». А у Гайдара – все наоборот, у Гайдара в Москве, в его родной Москве, не было друзей-единомышленников (в Питере Гайдар и Чубайс посещали один и тот же экономический кружок, советский парафраз Венской школы экономики, Гайдар ради кружка специально приезжал из столицы). Став заместителем премьера, то есть Ельцина... – отказавшись от кандидатуры Скокова, Президент планировал на «премьера» Полторанина, но, поговорив с Гайдаром, Чубайсом и Авеном за бутылочкой (и не одной) кизлярского «Багратиона», Полторанин от высокой должности отказался, причем сразу, резко, – так вот, став заместителем премьера, Гайдар тут же, не раздумывая, пригласил «в министры» не только Авена, но и Чубайса. А как? Как иначе? Кого еще, если в Москве Гайдар мало кого знал, хотя он – коренной москвич?! Пришло время набирать кабинет, страна ждет!

Вот и набрали. Егора Тимуровича не волновал даже тот факт, что он не достаточно хорошо знает Чубайса, не так уж много у них общего, на самом деле: Гайдар работал в партийной печати, в «Коммунисте», затем – с повышением – в «Правде», Чубайс (в это время торговал цветами на Московском вокзале в Ленинграде, сначала – с рук, потом, когда появились первые кооперативы, он купил себе киоск, то есть встал на путь «индивидуальной трудовой деятельности», говоря языком «Правды» тех лет...

Все они явились кто откуда, эти парни: Нечаев – заведующий лабораторией в каком-то НИИ (теперь министр), Авен – младший научный сотрудник в институте прикладной экономики (теперь министр), Шохин – заведующий лабораторией ЦЭМИ (министр) и т. д. и т. п. А возвышался над ними Геннадий Бурбулис, второй человек в Российском государстве. Если Егор Тимурович был романтиком (большие деньги в его жизни появятся позже, когда он вскоре после отставки вдруг возглавит «Би-Лайн»), то Анатолий Борисович смотрел Бурбулису в рот... еврей при губернаторе, да?., и с удовольствием делал все, что ему говорили, точнее приказывали!

Чубайс знал: этот человек, Бурбулис, дурак дураком в экономике, значит, если он, Чубайс, все сделает грамотно, быстро и аккуратно, Бурбулис (нет у него другого выхода,

то есть – других людей) передаст ему, Чубайсу, в «доверительное управление» весь бюджет Российской Федерации.

Чубайса с детства тянуло к деньгам.

Пятнадцать-двадцать главных финансовых потоков в России: газ, нефть, металлы, лес, рыба... Если на них, на этих потоках, будут свои люди, одна семья, одна *династия*... – все деньги страны ведь это и есть власть над страной, верно?

Власть до гроба.

Более удачного исполнителя, чем Чубайс, было не найти: он работал как проклятый.

В России началась новая эпоха: строительство государства, которое с удовольствием продает все что угодно, любые свои богатства, любые земли, прежде всего – приграничные, на них особый спрос, даже – собственный суверенитет...

В рабочем кабинете Чубайса, в комнате отдыха, где собирались только ближайшие помощники, висела огромная фотография «Битлз».

2

– Дай суке, дай!.. Лупи гада!

Тур метнулся к обрыву, но утонул в снегу.

– Ухо-о-дит, б...

Грачев недоговорил: вертолет министра обороны Российской Федерации развернулся к скалам.

Редкий зверь не чувствует приближение смерти.

– Залег, сука... Вишь-ка, залег! Вертай взад!.. Вертай машину, майор!

Бить зверя с вертолета – феерическое наслаждение; министр обороны и его генералы расстреливали горных козлов из автоматов Калашникова.

– Сажай на склон! В снег давай... в снег... Клади машину, майор!

Барсуков развернулся спиной к окну.

Кровь, кишки, клочья шерсти... Настоящий генерал и на охоте чувствует себя полководцем.

– Куда ж на склон, Паша... ты, елки, не Дэвид Копперфильд... твою мать... чтоб в Ниагару сигать!

В отличие от министра обороны Российской Федерации комендант Кремля, генерал-лейтенант Михаил Иванович Барсуков, ненавидел охоту.

– Слушай, а он привязанный сигает, Копперфильд этот? – заинтересовался Грачев. – А?..

От министра обороны несло сапогами и водкой; когда Грачев наклонился к нему, Барсуков задерживал дыхание, но это не спасало – от Павла Сергеевича всегда несло черт знает чем.

Барсуков не ответил. Он беспомощно смотрел куда-то на горы, на снег... – Михаил Иванович так устал, что ничего не видел вокруг. Президент страны опять (в который раз!) приказал ему «прощупать десантника», но у Грачева, черт возьми, отпуск до первого ноября, значит здесь, в Красной, придется сидеть недели две... – это жизнь, а?

– Паш, круто, ну глянь, блин...

– Ла-а-дно-те... майор у меня асе!

– Я что, бл, в пропасти не видел... что? – Барсуков завелся.

– А ты че видел... кроме Кремля?..

Вертолет садился на склон.

– Давай, Ваня, – давай! – заорал Грачев. – На плацу его подхвачу... – на плацу возьму... суку!.. Ванька, вперед!..

Майор Иван Шорохов, шеф-пилот министра обороны, расплылся в улыбке: командующий – и сам орел, и полет у него орлиный!..

Тур задрал морду – смотрел в небо. Люди слабее, чем звери, но у людей ружья.

– Су-ка-а! – завопил Грачев. – На, гад, возьми, возьми!..

Вертолет крутился в горах как сумасшедший, не понимая, что хотят от него эти люди.

Охота для Грачева была как бы сражением – министру не хватало крови.

Тур упал на снег. Он, кажется, так и не понял, что его убили.

Тушу не взяли (вся в крови), оставили шакалам. Грачев торопился на танцы: в Красной Поляне, на том самом склоне, где с конца прошлого века стоит просторная деревенская изба, построенная для императора Николая Александровича Романова, расположилась, поблизости, и турбаза Министерства обороны; от скуки (отдых всегда скука) Павел Сергеевич заходил – по вечерам – на танцплощадку.

Офицерские жены не терялись:

- Разрешите пригласить, товарищ генерал армии?
 - Разрешаю, – кивал Грачев, если женщина была в теле.
- Танцевал он скверно, как умел.

И плевать, что где-то там, у батареи, прилип к лавке ее муж – подполковник, ногти кусает. Павел Сергеевич бывал так добр, что разрешал чужим женам иметь и фотку на память, – жалко, что ли?

Настоящая демократия.

Барсуков не понимал самое главное – куда, бл, летит этот вертолет, куда и зачем?

А вертолет летел и летел. И никто не знал, куда он летит, даже летчики...

Вокруг Грачева суетился Азат Казарович Ассатуров, мэр Адлера; Грачев любил Азата и всегда брал его с собой.

– Слышь, Казарович, у тебя фантазия есть?

Грачев сидел в кресле, закинув ноги на соседний ряд.

– ... конечно есть, – вздохнул Азат, – с моей работой, товарищ министр, у меня че только нет... а фантазии этой... просто до хрена, Диснейленд отдыхает...

– Вот, – удовлетворенно кивнул Грачев, – это радует. Ты, Михал Иваныч, когда-нибудь на Памире водку пил?

– Где? – вздрогнул Барсуков.

– На Памире, бл, на горе. Пил, спрашиваю?

– Скажи, Паша... а что, здесь что ли... выпить нельзя?..

– Во! – подскочил Грачев. – А ты – метла, генерал! Идея: на горе Памире возьмем и здесь возьмем. Шорохов, помчались! Кружки неси.

– А где Памир-то? – не понял Барсуков.

– Майор, где тут Памир? А?.. Ты охерел?.. Какая Туркмения? Таджикистан? Погоди, а тут что? Да помню, что Кавказ, ты дурака-то не валяй!.. Какая Ушба? А я такой не знаю! Ско-ка? Метров ско-ка? Какие три часа, ты соображай! Во, что надо! Пять тыш-щ – что надо! Пошли.

Летчики встрепенулись: министр определился и поставил боевую задачу.

– На Эльбрус идем, – сообщил Грачев. – Тыща шестьсот над уровнем моря. По чарке примем – и сразу вниз, греться. Баб привезут.

Девушек поставляли из Адлера. Все банально и просто: адъютанты (один или двое) сначала пропускали их через себя, отбирая... головой отвечали... самых умелых, теплых и колоритных. Потом – к министру. Такую «схему» придумала в свое время Екатерина Великая, у императрицы, говорят, была даже доверенная дама, некто Перекусихина, которой было высочайше даровано «право первой ночи». С соизволения императрицы, именно она первая принимала «на грудь» храбрых молодых гусаров и гренадеров.

«Схема» работала безотказно, то есть министр обороны Российской Федерации лишь повторял по большому счету опыт императорского двора.

– Какая разница, где нажраться? – удивлялся Барсуков. – Объясни, командир!

Грачев мечтательно улыбнулся:

– Пачуханва! Ты, русский, когда-нибудь портвейн крымский... пил?

– По-моему – да, – кивнул Барсуков.

– Кислиночку... помнишь? Кислиночку?!

– Тебе, министр, не Памир... нет... тебе врач... нужен. Психологическая помощь... хоть на дому, хоть на даче, хоть в кабинете...

– Портит, портит власть людей... – Грачев мечтательно откинулся в кресле. – Его ж... «Массандру» эту... если грамотно употребить, кислиночка во рту остается... Закуски не надо, бл, удобно, слушай. Выпил – и вроде как закусил...

– Это ты на Памире понял? А, командир?

– В Афгане, брат. Водка в горах не так идет, как у вас... на земле. Там, в горах, кислород другой. Аура другая.

– А тебе... чтоб нажраться, Паша, аура нужна?

– Дурак ты... Я ж десантник – понял? Я ж событие ищу.

В глубине вертолета, у бака с горючим, сидели – плечом к плечу – офицеры в черной морской форме. Один из них, капитан первого ранга, держал на коленях небольшой кейс – ядерный чемоданчик.

Проститутка Машенька, шестнадцатилетняя девочка из Адлера (Грачев употреблял ее чаще других), категорически не желала оставаться у Павла Сергеевича на ночь. Машеньке сразу, пока она трезвая, показали, где на даче туалеты, но Машенька так хорошо покурила травку, что забыла, сердечная, все советы и все приказы. Рано утром она забрела в ту самую комнату, где офицеры в черной морской форме хранили ядерный кейс. Увидев постороннего человека (голую девку), офицеры выхватили пистолеты: по инструкции им было предписано стрелять на поражение. Когда Машеньке объяснили, что этот кейс – ключ к ядерным ракетам Российской Федерации, у нее началась истерика. На ракеты, конечно, она плевать хотела, но лежать, извините, личиком вниз на грязных деревянных досках (девочке, как водится, заломили руки), во-первых – страшно, во-вторых – очень холодно.

Утром хмурый Грачев поблагодарил дрожащих от страха офицеров за службу Родине: молодцы, ребята, не добились ребенка.

Барсуков знал: если офицер, тем более генерал, тем более – министр обороны... обманывает – на каждом шагу – свою семью, свою жену, он рано или поздно обманет кого угодно, в том числе – и Президента Российской Федерации. Говорит, что обожает супругу, своих детей... – и не отпускает от себя гражданку Агапову, пресс-секретаря. О Тане Митковой и Арине Шараповой распространяется как о своих любовницах (врет), из-за Шараповой, был случай, Грачев в «Чкаловском» два с лишним часа держал министерский «борт» (его ждали в Брюсселе). Картина была – чудо! Взмыленный Попцов, руководитель и идеолог российского телевидения, носился – в поисках Шараповой – по буфетам, кабинетам и коридорам огромного здания на Ямском поле, Агапова (она не ревнива) и адъютанты министра (трое) висели на телефонах, а Шарапова, оказывается, укатила с подружкой в Тунис, «уступив» Грачева корреспонденту РТР в Париже – старому чекисту.

У Президента Ельцина – собачий нюх на подлость. Павел Сергеевич – простолюдин, человек войны, герой гор; Ельцину импонировали простолюдины, но Грачев так эффектно (и так часто) складывал локоть со стаканом коньяка, чтобы провозгласить за «здоровье Верховного главнокомандующего», что Ельцин – насторожился.

А тут еще и Полторанин подлил масла в огонь: на саммите в Ташкенте Ельцин и Грачев (одиннадцать часов дня!) вдруг переглянулись, вышли... друг за дружкой... из-за стола переговоров и скрылись в соседней комнате.

«Главное – успеть», – смекнул Полторанин.

Точно! Локти углом, водка до края. А на улице – тридцать два градуса жары, у Ельцина, между прочим, расписан каждый час: поездка в район к чабанам, потом – авиационный полк, встреча с офицерами, в пять – переговоры с Каримовым и так – до ночи. «Умереть хотите? – заорал Полторанин! – Вгонят, вгонят... прохвосты... Президента в гроб!...»

Грачев размахнулся и кинул (именно кинул) стакан на стол, причем водка – не расплескалась:

– Борис Николаевич, че он... привязался, а! Придирается... Борис Николаевич! Хоть вы ему, петуху, скажите... ладно? Презервуар!

«Взаимное раздражение, – уговаривал себя Барсуков, – не повод для ссоры. Президент приказал «дружить», значит будем дружить. «А прикажет говно жрать – сожрем», – заявил

Полторанин, и Барсукову это очень понравилось... не в том смысле, конечно, что он, генерал-лейтенант, был готов съесть все что угодно, а как особая государственная позиция.

Барсуков знал: люди, окружающие Ельцина, порох не изобретут... ну и ладно, продержимся, Бог даст, сохраним власть... – а приказ Президента выполнят? В час икс? Это самое... жрать будут?

Да, выскочки, самозванцы, негодяи... – все так, но ведь там, где деньги, власть, там всегда подонки (на то они и подонки, чтобы быть там, где деньги и власть); у них... у мерзавцев... нет других путей, Брежнев... из Молдавии... тоже привез в Москву, в Кремль, черт знает кого – и что? Страна-то жила! Работала! Развивалась!

Всадник может быть без головы, не страшно. А лошадь нет – лошадь не может быть без головы, – диалектика!

– Слышь, генерал, ты о Грише... о Явлинском... как думаешь?

Водка клонила Павла Сергеевича в сон, но он – держался.

– Лай из подворотни! – отмахнулся Барсуков.

– Он... дебилем меня назвал.

– Надо же!

– Делать че?

– Пренебреги.

– А в морду по зубам... не лучше будет?...

– Какой ты грубый... Не деликатный.

– Я? Я, может быть, художник в душе. Но у меня конфликт между душой и телом.

Перманент!

– Ишь ты...

– Откуда ты знаешь... у меня, – Грачев мечтательно закинул руки за голову, – у меня, может быть, душа просит ананасов в шампанском – понял? А организм требует водки. И как мне быть?

– Тяжело.

– П...ц какой афедрон. Так в морду не лучше?

– Не-а. Не эффективно. Гриша обидится – и ничего не поймет. Он обидчивый, потому и упрямый, по жизни... баранчик... Гений. Которому, бл, нечего сказать! Его оглоблей не перешибешь, он же, как баба, Гриша... наш, только у бабы, слушай, на все есть ответ...

Настоящий десантник держит беседу даже сквозь сон.

Эх, служба государева, куда, куда министра несет, а?... На какие склоны он закинет свой вертолет?

Кремль часто терял Ельцина из виду, обычно – после обеда. И – уже до утра. Но если Ельцин все-таки шел сам, его быстро выводили через пожарный выход и – сразу на дачу.

«Коржаков, двери! – орал Ельцин, раскачиваясь на стуле. – Принесите двери, я хочу выйти!...»

Функции руководителя страны незамедлительно принимал на себя генерал-майор Александр Васильевич Коржаков. Он усаживался за рабочий стол Президента и отвечал на телефонные звонки. «Нормально, – рассуждал Барсуков, – с утра Ельцин, потом – Коржаков, курс-то один, все правильно. А главные решения, если Президент занемог, можно отложить и на следующий день, ничего страшного, утро вечера мудренее, народная поговорка. Справляется Коржаков. И не хуже, чем Президент, между прочим, особенно – по наведению порядка. Ну и ладно... что он недавно еще майором был, не боги горшки обжигают, мышление-то государственное... А ему, значит, майором тычат... умники! Растут люди. Быстро растут. И Президенту – огромная благодарность, что умеет поощрить, не только себя, можно сказать, но и людей видит. Александр Васильевич тоже добрый человек, отзывчивый: на гармошке играет, танцует, поет. Сам Борис Штоколов послабже будет, это все отмечают... А

если по мордам нахлестает... так ведь извинится потом, отходчив он, зла на людей не держит... Иностранцы Александра Васильевича признают, с каждым праздником поздравляют, он и в переговорах... разных... участвует, пусть за дверью пока, зато все время рядом, чтоб Президент, значит, мог, если что, и совет получить... квалифицированный...»

– Может, здесь примешь, а? – Барсуков улыбнулся... через силу... и толкнул Грачева локтем.

– Чего? – вздрогнул, не просыпаясь, министр обороны. – Я тут.

– Машину вертай.

– Чего? – Грачев открыл глаза.

– Машину взад вертай... устал я... – понял?

Вдруг стало слышно, как ноет мотор.

– Беспокойный ты... – раззевался Грачев. – Отдыхать не умеешь...

И закрыл глаза.

– Куда тебя дьявол несет, Паша? Генерал армии Грачев как счастье и гордость безумной России! Ты ж не птица-тройка, черт возьми, чтоб скакать хрен знает куда, ты ж у нас министр, ты ж... Фрунзе сегодня! Жуков! Подвойский! А куда ты несешься, мать твою за ногу, водки хочешь? здесь сожри! Сколько влезет сожри! Надо будет – цистерну подгоним, жри оттуда, прямо из крана, жри пока стоишь, лежа уже не пьют, захлебнуться можно, зачем на Эльбрус-то лезть, объясни!

– И с-час возьмем, и на снегу возьмем... – Грачев с удовольствием вытянул ноги. – Фейер-верк!..

– Пал Сергеич без фейерверка... это ж не наш Пал Сергеич, – веселился Азат. – Скучно ему, понимаете? Не в себе он вроде как... без фейер-верка... На горе-то, Михал Иваныч, мы были... на той... Пал Сергеич запомнили, так что не волнуйтесь уж, чудненько все будет, мигом обернемся... туда-сюда... как на ковре-самолете... Ребята адлерские – боги, а не ребята, хошь куда рванут, керосин на неделю схвачен, опытные, значит... если Пал Сергеич еще что сфантазирует... – пожалуйста!

Барсуков вздрогнул.

– Погоди бараться!.. Вертолет... что? Не из Москвы? Не федеральный?

Азат расплылся в улыбке.

– А че ж следы-то следить? На хрена, прости Господи? Местная машина, газпромовская... за их счет живем, можно сказать. Мы – гоняем, они платят...

– Без связи? Без спецсвязи?...

– Ага. Налегке идем. Свободные.

– Как без с-связи... Вы что? А случись... война? В-в войсках что?...

– Обождут значит, – уверенно сказал Азат. – Пауза у нас. Отпуск. Свобода, короче говоря.

– Президент?! Президент тоже, бл, ждать будет?! Пока вы тут... накачаетесь?!

Барсуков вроде бы говорил, но слова эти были уже не похожи на слова, он всего лишь разбрызгивал вокруг себя какие-то буквы.

– Э, Михал Иваныч... какая война... – ласково (так умеют только армяне) протянул Азат. – ...какая война? С какой еще дурки?

– Па-а-авлик... – Барсуков стоял над спящим Грачевым... – П-павлик, милый, открой глазки, открой!

– Открыл. Дальше что?

Грачев стоял перед Барсуковым.

– Говори, генерал. Не бзди.

Они стояли лоб в лоб, как звери.

«Вертолет, суки, перевернут», – догадался Азат.

– Говори, генерал, – повторил министр обороны Российской Федерации. – Я когда маленьким был, тоже ссал против ветра. Говори!

– Ты... дурак? Скажи, Паша, ты дурак?

– Сам как думаешь? – удивился Грачев.

– Теряюсь в догадках, товарищ генерал армии.

– Все мужики, Миша, делятся, бл, на две категории, чтоб ты знал! Долбоебы и мудозвоны. Других категорий нет, извини... уж. Ты, генерал, в первом батальоне. Пожизненно. До веку, так сказать. Я во втором.

– Кончай, знаешь...

– Не кончай, а заканчивай, – Грачев поднял указательный палец. – Да, я негодяй, генерал, негодяй, но тебя об этом предупреждали! А еще, Миша, я прагматик: лучше хер в руке, чем п...зда на горизонте, понял? Вот моя философия. И Борис Николаевич... ты башкой не крути, сюда, значит, слушай... тихо и благодарно, – Борис Николаевич наш... я ж при нем в люди вышел! Поднялся при нем!

А главное, Миша, – генерал, вот что: те парни, которые Бориса Николаевича... нашего... в России продвинули, они, бл, в нем не ошиблись, точный, я думаю, ход... на таком уровне ошибок уже не бывает! Всем хватит, всем! Мы при нем всегда людьми будем, все поднимемся, наш круг я имею в виду! Все заработают – ч-чув-ствую! Так что ты, Миша, когда в Кремль... свой... помчишься, чтоб меня, значит, обосрать там злонамеренно, ты, родной, всем... на паркетах этих... всем говори: Пашка-афганец, чтоб я о нем лично не думал, Пашка за Борис Николаича нашего... жизнь отдаст, жизнь... как Сусанин в песне.

А почему? Знаешь почему, сволочь кремлевская?! Пашка при нем, при царе... нашем, Пашка... он – полководец! Он человек, этот Павел Грачев! Ельцин армию дал. Во как! И не одну армию, все войска России ему доверил – ему, Грачеву! Я ж как Барклай де Толли! Ты понимаешь, Миша, что такое Барклай де Толли, а? Это тебе, бл, не хухры-мухры, – Грачев уселся в кресло, – Кутузов – он же, бл, не был министром, не дотянулся... помер, значит. А я министр! Куда мне, больше? Есть Ельцин – есть Пашка, нет Ельцина – и Пашки нет, говно я, Пашка, без Ельцина, даже со звездами! Вот она, Миша, правда нашего быта... Дудаев второй год вас просит, не слышит никто: дайте мне, суки, генерал-лейтенанта и не будет у вас проблемы Чечни, гарантирую, на веки вечные не будет, я ж генерал, вашу мать... – это что, трудно, скажи генералу из Грозного еще одну звезду на погоны пришпандорить? Может, он, бл, об этой звезде, может, всю жизнь мечтает, а?!

Дудаев, чтоб с Борис-Николаичем встретиться, папаху новую сшил... летний вариант... с волком на пилотке – людей-то, Миша, любить надо... – вот Леонид Ильич понимал, потому и держался столько, – я же когда перед зеркалом в мундире стою... сам себя не узнаю, честное слово! Он меня... Борис-Николаич... Верховным сделал! Как Колчак... я. Как Иосиф Сталин в Москве! И кого? Меня, бл, десантника!..

Кулак видишь? М-мой?! Трогай, бензанасос, не бойся! Вот где у меня страна! Я, Миша, второй год в этих руках страну держу! И ведь хорошо, бл, держу, войска без блудни живут, потому что я их за загривок схватил! И – не надорвался пока, как ваш Гайдар с пацанами!

А ты, блядистка, что тогда здесь делаешь? Прелки мне катишь! На хрена? Шарисься зачем? Измену, ищ-щешь? Нет тут, сука, измены, ты б лучше позитив искал, плюсы, но ведь ты на позитив не настроен, у тебя ж мозги на другое задрочены, вот почему ты осел! Такому парню, как наш Ельцин, изменить нельзя, запомни это, выборзок, здесь ебатуры нет, здесь генералитет, – а если ты, Миша, будешь меня с Борис Николаичем еще и ссорить, я тебе лично все – и ананасы... яйца, в смысле, и башку... отрежу, так десантура моя выдрет, в смысле – поработает, Склифосовский не справится, башку, проблядь, тебе обратно не пришьют, у них, у академиков, ниток не хватит... Выпьем давай, блоха, ты нас, десантников, плохо знаешь, и не спорь со мной, брат, убью на хер. Ты ж инкубаторский, Миша, блядка

из Кремля, из пажеского корпуса, – бобочка, одним словом, а настоящий политик в России, Миша, всегда мечтает быть Сталиным, понял? Только не признается никому. А я – признаюсь! В России, Миша, только у Сталина и получилось, между прочим... пятьдесят лет этот товарищ в гробу ебилярит, сгнил, я думаю, уже насквозь, а никого от себя не отпускает, ты заметь! Так вот, Миша-генерал, умный он был, товарищ Сталин, его не интересовала, бл, русская душа, как вас, интеллигентов вонючих, зато его интересовал русский страх, генетика этого страха, я тебе прямо говорю! И не промахнулся, усатый, в точку с русским человеком попал... – цари, слушай, не справились, потеряли власть над Россией, просрали все, а осетин этот – не промахнулся!

Придумали, бл, иллюминаторы, образ русского мужика, вот все и мучаются с тех пор... душа, мол, загадочная, сердце золотое, яйца сказочные, а русский мужик, Миша, испокон веков только бандюков и уважал; Илья Муромец, он по-твоему кто? С двумя подельниками – Добрыней Никитичем и... там еще один парень какой-то крутился, фамилию сейчас не упомяну, в России любят когда на троих!..

Ты, камбала, короче, измену ищи-щи у себя в Кремле. Ты любую хрень там скорее найдешь, а в армию, бл, даже не суйся, там, где Павел Грачев, там нет измены, нет и не будет, не дож-жжешься!

Не...а – отставить! Не так... По-другому. Я сейчас тебе... яснее все объясню. – Азат, родной... гавкни майора, скажи – сюрприз, бл, министр всем приготовил.

Ты, Михал Иваныч, сейчас в вираж уйдешь. Прямо на наших глазах. Будешь сейчас... десантироваться. С неба – и прямо в горы. Пора, значит, и тебе, генерал, порох понюхать, он хорошо пахнет, этот порох, наркотически...

Вниз пойдешь по моей личной команде, во, бл, недомерок, честь тебе какая! С легкой радостной улыбкой на парикмахером холеной мордой лица. На склоны Кавказа. Майор, приказываю: выдать генерал-лейтенанту парашют, только такой, бл, чтоб распахнулся, знаю я вас, сволочей, веселуху устройте... – его ж... кремлевские... комиссию потом создадут... – как? как нет? Нет парашютов? И у меня нет? Ты че, капуста! Совсем спятил, майор? Ну кинжал! Я тебе, сука, комбайн устрою! Вернешься на землю лейтенантом – это для ясности. – Ладно, иначе будет! Зависай над сугробом – усвоил? Высота – сорок. Там снег... метра два есть? Генерал Барсуков, значит, своим ходом пойдет.

– Паша...

– Я Паша, а ты – Миша, будущий покойник. Иначе нельзя, – выпил я, понял? И не спорь со мной, ты меня плохо знаешь, ты жив, компот, только до тех пор, пока у меня, бл, хорошее настроение! Я, чтоб ты знал, в жизни больше всего люблю водку, деньги и баб, впрочем, водку и баб тоже можно деньгами, а ты, сука, мне отдых портишь... – майор, слушать приказ... чей-то, бл, рожа у тебя такая довольная? Выбираешь, значит, сугроб пожирнее...

– Паша!..

– ...и зависаешь над ним... в сорока метрах: генерал-лейтенант Барсуков, мужики, сейчас повторит подвиг господина Матросова. То есть Маресьева, пардон, Ма-ре-сье-ва!

– Ты ответишь, Паша...

– ...выпей на дорожку, родной, не стесняйся! Там – холодно. И вообще – х...во. Там волки и прочая сволочь... И с собой в сугроб водку тоже бери, не жалко, хоть с ящиком уходи, земля быстрее притянет! – Есть высота, майор? Хорошо, если не врешь... – внимание... готовь машину к десантированию!

Барсуков отвернулся к иллюминатору.

– Смотри, Азат: Михал Иваныч сок пустили...

И действительно: по белой, гладко выбритой шее коменданта Кремля струился пот.

Барсуков молчал. Он любил Ельцина, любил свою работу, собирал книги по истории Кремля... – он не мог привыкнуть к тому, что рядом с Ельциным, вокруг Ельцина есть люди (их немало), которые его унижают.

Делать-то что? Дать в зубы – застрелят. По большому счету эти парни, бывшие десантники, отличаются от бандитов только тем, что их командир – министр обороны Российской Федерации.

Напился, скажут, генерал Барсуков в вертолете, пошел в туалет и вывалился в горы, в снег. Трагический случай. Большое несчастье. Недоглядели!

И махнет Ельцин рукой, и получит министр строгий выговор. А Михаил Иванович уже в земле: салют из карабинов, гимн Российской Федерации... слезы, поминки, похожие на банкет... спи спокойно, дорогой товарищ комендант Кремля!..

Вертолет висел над сугробом. Приказ министра обороны.

Азат принес водку.

– Отдыхай, Миша, хрен с тобой, отдыхай... – Грачев улыбался зубами. – У вас жизнь в Кремле... в вашем... как жизнь, бл, в презервативе, – вот вы все потные и ходите! Но если генерал армии и министр тебя Мишу, или другого-какого... Гапона кремлевского... в вверенных мне войсках встречу – все, конец, отловлю тебя, суку, и убью на х...

Я, брат, шутить не умею, точка, в Афгане отвык. Правда, я когда Гайдара увидал... рожу эту... юмор ко мне обратно вернулся... – короче, ты у меня так, бл, на землю улетишь, космонавт обосрется, пулю за царя за нашего... на такого... гада-провокаатора, как ты... не пожалею, буд-дьте спокойны. Гвардия, мы его...

– ...долбоебов, – ухмыльнулся Азат.

– ...так, – кивнул Грачев. – Ельцин Борис Николаич – долбоеб, наш советский, родной долбоеб, но он – великий долбоеб – понятно излагаю?

Барсуков плакал, но слез почти не было, слезы ведь тоже бывают разные...

На земле началась паника, дежурные генералы так и не привыкли к тому, что министр обороны Российской Федерации вдруг улетает неизвестно куда...

Сели удачно, на западный склон. Красавец Эльбрус был тих и спокоен, как все большие горы, вечные старики. Первым в снег бросился Грачев, за ним посыпались ординарцы, потом вылез Азат.

Водку пили из кружки, как полагается, воздух глотали как закуску. Молодец, майор Шорохов, догадался, не заглушил мотор, иначе бы не завелись – воздух разреженный, дикий, кислорода мало, так бы и остались здесь, в горах, связи нет, даже космической, водка скоро закончится, а куда улетел министр – никто не знает.

О Барсукове забыли, слава богу. Хорошо, что забыли, не ровен час он в самом деле ушел бы с Памира пешком – нравы-то в «команде» тюремные, а командир – сильно выпимши, значит, быть беде...

3

Ева ужасно злилась на Альку: дура, прости Господи, мужик – чудесный, джек-потовый, можно сказать, умрет скоро, Альке везет, рак селезенки у мужика, а денег – море, на баб клюет, как лосось в путину, лосось... он же все сметает перед смертью на своем пути, природа... одним словом! Ну а если уважаемый Сергей Иннокентьевич для тебя, Алинька, не джек-пот, беги, дура, обратно в Вологду, большое тебе до свидания! Дуй, овца, к маме с папой, неси свою «дразнилку» обратно в вологодские сугробы, и там, в Вологде-где-где-где, в Вологде-где... ищи, дура, свое бабье счастье!

Ева курила редко, только по случаю. Любила «Беломор» (это для гламура, так сказать), в компании баловалась травкой, но только в компании, для обмена мнениями, иначе это уже – наркомания, а наркоманов и наркоманок Ева всегда презирала.

На голодный желудок «Беломор» был совсем не хуже травки – Ева ценила качество и вкус.

Не умеешь, мандавоха (Ева все утро мысленно разговаривала с Алькой), мастерства не хватает, секса, опыта, значит, учись у старших товарищей, – возьми конфетки соответствующие, сделай сладенький чай, коммунист наш, Сергей Иннокентьевич, сроду не сообразит, что нынче «Виагра» и в конфетках бывает!

Спецзаказ от девочек, молодцы фармацевты, держат руку на пульсе, крепкая у них рука, после таких «конфеток» дождевой червь гвоздем встанет, факт!

Это ведь святое, Алина, дело: превратить вонючий коммунистический стручок в рог изобилия, – Сергей Иннокентьевич сразу всколыхнется, в загс побежит, то есть даст, девочка, твоим трудам принципиальную партийную оценку, добром на добро ответит («штампом», в смысле), он же амурик, Господи!

Это шлюхам платят, шлюхам! Приличных девушек – балуют!..

Когда-то Евик (так звала ее Алька) была «охотницей», работала в Горьком, потом в Москве. Но сейчас Еве уже под сорок, годы берут свое, неудачи посыпались одна за другой: последний «клиент», сволочь, так бушевал всю ночь – о! мама, не горюй; Ева проговорилась в кругу подруг, что у него, у ее долбоносика, за огромные, как он «открылся», деньги вшиты в кинжал (то есть в известный орган) металлические шарики – для (его слова) «космического эффекта». Гумозник! Грач! Такие операции только-только входили в моду, делали их подпольно, за двадцать пять рублей, по цене аборта, но вот смысла в них – никакого, жаловалась Ева... Как, впрочем, и эффекта... – «клиент» тут же узнал, донес кто-то... да, сильная ночь получилась, с эффектами... дяденька... Серегой звали... так расвирепел, что отнял у Евы все, что у нее было, вообще все!

Отнял, булыжник, даже то, что дарили другие... – Ева вдруг повзрослела, причем как-то сразу, резко; в ней вдруг появилась усталость, свойственная людям, которые теряют вкус к жизни.

Черт возьми, люди смотрят на тебя спиной – что теперь? умереть, что ли?..

Было бы хорошо все-таки родиться пацаном: открывала дверцу шкафа, что выпало, то и надела бы...

Ева «перекинула» себя на «преподавательскую» работу, открыла агентство «Мадемузель», потеснив на рынке «общественных услуг» самого Петра Листермана.

– Вы – девушки приличные, – учила Ева «контингент», – приличные, но сексуальные, а секс, овцы, это *всегда* прилично! Ты, сразу, когда познакомилась, ножки – треугольником... – Ева обращалась ко всем и каждой из них, – снимаешь трусики... никаких колготок, дуры, запомните: колготки надо еще в лифте снимать, заранее, потом ножки снова треугольником, покажи потроха, руками вагину клиторонву раздвигай, все, мол... смотри, ветеран... все

здесь мокрое! Воспламенилось все от одной только мысли о тебе, мужчина, и о сексе, такой, дяденька, тебя пожар ждет, такое удовольствие... сгоришь, бубенчик, ты в этом огне...

Да-да, приличных девушек – балуют! Сразу – границы. Точки над «і». Платят шлюхам, ибо шлюхи – жертвы общественного темперамента; там, где жертвы, там, значит, и компенсации должны быть; приличных девочек – балуют, чтоб они, малышки, «веселые были!» Шлюхи это шлюхи, здесь все ясно, а вот «охотницы» – другая статья; «охотницы» продаются только тогда, когда есть твердый шанс родить «клиенту» ребенка, твердый, не призрачный, то есть – обобратить мужчину до нитки...

Алька – звезда. Фигурка, стиль, личико... да и не дура она вовсе, но упрямая – убиться венником, ей-богу, чистый Дадон, ничего не слышит, никого не признает, делает только то, что хочет делать, не выбирая путей!

Ребенок, полученный от правильного отца, – это супервложение, это сытая и эффектная жизнь, прекрасный вариант безбедной старости.

Ребеночек... когда вырастет... сам проживет... в древние века (хороший пример) кто-нибудь тряся над детьми?

До Альки с Сергеем Иннокентьевичем работала Вика – худенькая рыжуха (под Луну красилась) с длинной косой.

Вика залетела почти сразу, редкий случай, все как учила Ева (Вика проткнула пачку презервативов иголкой, Сергей Иннокентьевич, долбоносик, ничего, естественно, не заметил, не понял), – Господи! свершилось, Сергей Иннокентьевич очень хотел ребенка, назвал Арсением, ждал мальчика, и мальчик этот ему во сне снился. Вдруг выясняется (Сергей Иннокентьевич ДНК сделал), что Вика – безмозглая дура, закадрила где-то в гостях чернокожего парня из института Лумумбы (вечера дружбы проклятые!), а очнулась только наутро – голая... и вся в сперме.

Сколько же у них спермы, черт возьми, у этих ебак, черных гостей нашей столицы!

Сергей Иннокентьевич, душка, Арсения ждет, на родах желает присутствовать, и вдруг – вылезает негритосик:

– А вот и я! Привет из солнечной Кении!

Депутатов, которые были принципиально верны своим женам, девчонки звали «одномандатники». До Вики (с ее опытом) Сергей Иннокентьевич был глухой «одномандатник», Вика его разбудила... – а дальше что?

Была бы умнее, бикса отвалила бы в роддом денег, так там бы вмиг черного на белого заменили, вон их сколько, «отказников»! Когда есть бабки, самосев можно устранить, ребенка, если надо, даже по ДНК подберут, причем – на выбор! А Вика, бздюха, так Сергея Иннокентьевича испугалась, что тут же все ему рассказала!

И не сумела, не решилась что-то предпринять, сволочь московская!

Сергей Иннокентьевич с горя напился так, что танцевал у себя в гостиной с лопатой, что-то орал, целовался с лопатой, как с бабой, пока не упал.

Как говорил гражданин Жириновский: «Пушкин несчастный был. Лучше бы его совсем не было...»

Полгода прошло – Сергей Иннокентьевич любые предложения о сексе как террористический акт воспринимал. Вот тут-то Ева подослала Альку. Сергей Иннокентьевич приободрился: девятнадцать лет, хороша собой, эффектно себя «подает»... – подойди ко мне, большевик мой дорогой, потрогай мою агрессивную грудь!.. На самом деле «охотницы» (все как одна) не уважали деятелей Коммунистической партии Российской Федерации: платят прилично, «эскорт» обожают, но с женами не разводятся, боже упаси, – у них, половых демократов, мораль, высокие, бл, идеалы, они там все семьянины, любо-дорого посмотреть...

Анекдот, честное слово. Ушел в разведку боем. Вернулся геем!

Но Сергей Иннокентьевич... мало – джек-потовый, он еще и вдовец, – чудо, нет обременений, действительно чудо какое-то, бери, рожай и наслаждайся!

Нет, Алька – баруха, конечно, просто баруха; другая бы так уконтрапупила бы Сергея Иннокентьевича, у него б стручок вообще бы не ложился, нездоровым мужчинам очень нужен здоровый секс, – а если у мужика рак, так это не у него, нет, это у тебя, сволочь, каждая минута на счету, сегодня загс, завтра смерть, главное, чтоб не наоборот!

Слава богу, Сергей Иннокентьевич так и не научился целоваться, это радует; если Альку постоянно купать в старческих слюнях, она такой фейерверк устроит – мало не покажется, проституция – одна из вреднейших профессий на свете, опасная, но еще и вредная, ибо женский организм (особенность такая) полностью перестраивается с каждым мужчиной – с каждым!

Дело даже не в СПИДе, не в гепатите разных видов, разговор о другом... – женский организм действительно зависит от постоянной смены партнеров, причем особенно страдают печень, сосуды и женские органы.

Ева постоянно внушала девчонкам, что проститутки и «охотницы» – эта разный взгляд на жизнь, совершенно разный:

Ты куда идешь, страна?
Я иду тихонько на...
На работу, на учебу?
Просто на – без уточнения...

Эх, дуры, дуры! Думают, что за дательным падежом сразу идет родительный...

Ева была хорошей учительницей, она могла убедить кого угодно в чем угодно – запросто!

Любовь как страхование жизни: чем позже подписываешь договор, тем выше взносы...

Буклеты «Мадемуазели» сочинял постоянно нуждающийся в средствах журналист Андрей Ванденко из комсомольской газеты: «Она – неземной красоты и неприступна для соотечественников. Вы – хорошо обеспечены и, разумеется, очень заняты, но она подарит вам свою улыбку, выпьет в вашем обществе чашечку кофе, съездит с вами в Париж или Монте-Карло...» Словом, так, граждане мужчины: можно – красиво и романтично, можно сразу, в первый же вечер, любой каприз за ваши деньги, главное – плати!

Ева слабо верила в «настоящих мужчин», но читать буклеты «Мадемуазели» было приятно.

«А вдруг... нет... Чем черт не шутит?..» – есть кто-то, кто не хочет любви?

На всякого мудреца довольно простоты.

– Вы уверены, – говорила Ева девчонкам, – что «эскорт» ничем не отличается от проституции, – так, овцы? – но в обычной жизни вы, между прочим, делаете с мужиками все то же самое, только бесплатно. А оно вам надо? Если головка, девочки, работает смолоду, тогда и старость не застигнет вас врасплох... вы ведь, овцы, даже Пушкина прочесть не можете! «...Весной ей минет восемнадцать», ну, бл! где ударение надо ставить?.. Вика, Алька – говорите! Во-во, точно: один минет на уме! А если не врубаетесь, малышки, значит, запоминайте: любовь есть оправдание того, как выгоднее продать свои чувства!..

На самом деле Ева учила девочек рыночной экономике.

– Все-все, зайчик, мы расходимся, – заявил Альке один из ее «клиентов» – Игорек.

Хороший мужчина. Магнат.

– Что... лучше кого-то нашел? – растерялась Алька.

– Не лучше. Но дешевле!

«Жадный тормоз оказался...» – констатировала Алька. – Хочет в рай. Очень хочет в рай. Но бесплатно!

Алька имела, конечно, свой подход к мужчинам, но от «жадного тормоза» пришла в ужас:

– Слушай, Евик, он весь... покрыт струпьями, нервный, чешет их, сволочь, до крови! А еще какой-то вонючей мазью мажется, по выходным хреначит на Мертвое море, другой географии у него нет, там, у евреев, ему лучше становится, потом все по новой...

Магнат увлекся Алькой, но быстро ее разлюбил.

О, как же си-ильно он разлюбил, господи!

Из всех вечных явлений любовь длится короче всего.

Сцепились они на освящении его новой шестицилиндровой колесницы – огромного «Лексуса». Все торжественно, гости, пришел батюшка, перекрестил Игорька, Альку и тут же попросил Игоря дать денег на трубы в приходе... – а Игорек вдруг обнял Альку, в волосы, потом выхватил у батюшки кадило и с такой силой залепил Альке по лбу, что от лба ничего не осталось, вообще ничегошеньки!

Как писал полководец Суворов своей маленькой племяннице: «А вчера, деточка, ядрышко оторвало моей лошадке полмордочки...»

Какая же сволочь «стукнула», а?

Игорь отправился в Милан и взял с собой Альку. Разумеется, они прошлись по галерее короля Витория-Эммануила, где Алька мастерски развела любимого мужчину на пару бутиков. А утром, когда этот огрызок помчался на деловую встречу, Алька явилась обратно в галерею: вещички, мол, чудные, по размеру не подошли, ценники не тронуты, на месте, будьте любезны – деньги!

Есть такая особенность у дорогих магазинов: когда тряпки не подходят, а выясняется это не сразу, допустим, через день-два, магазины возвращают деньги.

Как Игорь узнал, а? Часть подарочков – себе, любимой, остальные – в кеш и кеш – тоже себе! Мужики, если честно, умные стали! Сейчас только дикие папуасы с севера клюют на фразочки, типа «я тебя люблю и хочу ребенка!» Но папуасы (север есть север) всегда окольцованы, там народ друг за друга хватается, так теплее, наверное, выбор-то не велик!..

Ева лежала на кушетке, подтянув к себе телефон: ночная сорочка сбилась, а трусики Ева надевала очень редко, тем более дома, – берегла вещи.

Как же хреново в этой стране! Особенно по утрам.

Алька – жопка, конечно: развела мужика на десять косарей, потом, без его санкции (хотя деньги, разумеется, из того же кошелька) украсила себя второй прической – выстригла на лобке кобру.

Девочка... милая... узнай сначала, вдруг твой мужик животных не любит, тем более – змей! Каково ему, бл, на кобру пялиться? После трудового дня? Ты там еще профиль Бориса Николаевича нарисуй! Или – генерального прокурора, во веселуха будет!..

До Альки (прошлый год) магнат Игорь, владелец разных автосалонов и какого-то большого завода в Хакасии, катался по Волге в компании других девушек из «Мадемуазели», Сонечки и Вероники, причем Вероника, что приятно, девочка не рабочая, чистая, из богатой семьи, в «Эскорт» явилась от скуки, чтобы – развеяться и интеллектуально обогатиться.

Вика сразу заметила, что в пиджаке Хозяина (так девушки окрестили Игоря) толстые пачки долларов.

Вот как можно кочегарить там, где кочегарить нельзя? Вот как?! Сидеть с лимонкой в ж... и ждать, когда она взорвется?

Пока Игорь спал, упившись коньяком, Вика быстро скручивала зеленую массу: обе пачки пусть с трудом, но все-таки уместились у девушки там, откуда обычно появляются дети.

Нашпигованная «зеленью», как утка – яблоками, Вика «подала» себя к завтраку, причем дискомфорта – не чувствовала.

Там же, за завтраком, Игорь хватился денег. Яхту перебардачили вверх дном, девочек раздели догола, но до сейфа естественного происхождения руки не дотянулись.

Атам двадцать тысяч! Но Игорь, надо сказать, в долгу не остался: яхту отогнали подальше от всех берегов, а девочек, Вику и Соньку, скинули в воду.

Разумеется, в чем мать родила.

Вика предполагала, что купюры выпадут во время прыжка. Или промокнут.

Плывут они к берегу, вода теплая, лето, Вика переживает:

– Слышь, подруга, а водичка... заходит... в место общего пользования... в кормилицу нашу... ты не в курсе?..

Вылезли на берег возле старой рощи. Вытерлись газеткой «Труд», найденной под осинкой.

Перво-наперво Сонька с размаха врезала Вике по роже.

Вика обиделась:

– Мне – «Понтиак», тебе... – «Жигули», для всех, бл, борзуюсь...

Тихо, машин нет, только птицы поют. Сонька быстро смастерила себе юбочку из лопухов.

– Круто! – похвалила Вика. – Маугли, блин!

Хорошо, дед какой-то на телеге в райцентр катил, молоко вез.

– Дедуля, подбрось, заплачу...

Дед обмер: голая девка запускает пальцы промеж ног и вытаскивает оттуда сто долларов.

– Ну копилка у тебя, доченька...

– Не вльинди, трупач, настоящие... Вот только подсохнут немного.

– Да, девки... вам в цирке выступать!

– А у нас и так цирк, – хмыкнула Сонька. – Водная феерия!..

...Получилось, короче, что Алька огребла по совокупности – за всех. Игорь исчез, Игоря сменил Сергей Иннокентьевич... причем Альке было – нельзя, не те стояли дни, но она ж жадная, Алька, обменструячила его по полной, как говорится, хотя Сергей Иннокентьевич – сдержался. И опять ерунда: если Сергей Иннокентьевич прочухает «разводку», Альке – конец, у коммунистов – хорошие связи в прокуратуре, Ева уже «играла» с одним из них, с Илюхиным, он в прокуратуру дверь ногой открывал... звонил, командовал, запросы писал, это у них, у депутатов, видно, бизнес такой!..

Сергей Иннокентьевич, было дело, уже ловил Альку на «потусторонних связях».

– Милый, с презервативом – это не измена... – доказывала Алька.

– Ну тогда с глушителем – это не убийство, – резал Сергей Иннокентьевич.

Серьезный мужчина!

Да, Альку воротит от запаха изо рта, от Сергея Иннокентьевича – прет, это верно, но в России старики вообще какие-то неухоженные, чухлые, все выглядят, как правило, старше своих лет, даже богатые старики, такая вот особенность. А Альке действительно приходилось очень тяжело, особенно в постели: копье Сергея Иннокентьевича было категорически не готово к серьезной и длительной работе! Алька из кожи вон лезла, что только не делала, долбила его как механический воробей, но от кинжала – никакой отдачи, хоть ты убейся! А Альке (по сценарию) полагается, блин, еще и страсть изображать... – вот как, спрашивается, можно любить то, что хочется просто откусить?

Ева взяла телефон, быстро набрала номер.

– Маленький... ты где?

– Выезжаю, – зевнула Алька.

Спит, блядва! Знает, что ее ждут, но спит...

Алька понимала, что она никогда не вернется в Вологду. Проехали! Есть результаты, которыми не стыдно гордиться. Город – Москва – взят! Как быстро все-таки у них сносит крышу. – Алька (самое невероятное) теперь даже не тряслась за фигуру, ела в обе щеки, за троих, да еще на ночь!

– Смотри, малышка, скоро за тебя только любители сумо заплатят!..

Девочки ненавидели уроки «очищения», но быстро и правильно «очищаться» Ева все-таки их научила. Спецкурс «диеты» в «Мадемуазели» – три урока, спецкурс «унитаз» – почти две недели.

Рестораны, еда дорогая, эксклюзивная, то есть жрешь не понятно что, но если правильно тошнить, иногда – и пирожные можно, плюс – тренировка глубокого минета.

– А тренировка на хрена? – удивлялась Алька.

– Вот овцы! Чтоб усталости не было. Плюс – контролируешь позывы к тошноте. Если вот так до пяти утра в постели барахтаться... – слушай, все ведь может быть... Прямо в кровати! И еще: самое главное, чтобы ты не храпела. Тогда ты вообще стоишь два доллара!

Вон... девочка одна... в «Дягилеве»... обожралась наркотиками и подавилась рвотой прямо у унитаза! Так ее, идиотку, тело... в смысле... до утра в кабинке прятали, чтоб, значит, вынести незаметно, гостям настроение не испортить...

Несчастный случай? Глупость несчастная, балдометр, – поняла, Алька?

Ничего она не понимала!

Кошмарный сон был сегодня, Еве пригрезилось, что Сергей Иннокентьевич – помер. Самое интересное – при загадочных обстоятельствах! Большой гроб, обитый кумачом, портреты Ленина, Зюганова и еще – чей-то портрет, Ворошилова, что ли, причем живой Зюганов сорвал кепку с башки и говорит речь. А Алька, акащевка, вцепилась в Еву прямо у гроба и вдруг отгрызла у нее палец, ибо Сергей Иннокентьевич, умирая, выяснилось, оставил ей дачу в поселке ветеранов партии, но она была очень маленькой, деревянной, и не делилась пополам.

Может быть, Сергея Иннокентьевича перегрузить (пока не поздно) той же Вике, например? Он ведь – как лосось перед смертью: лосось отметал икру, дал деткам жизнь... ну и умри, аноним, с чистой совестью, молодежь сама на твои деньги проложит себе дорогу!

Вчера пришел заказ. Кто-то... очень и очень важный, человек с именем, как было сказано, хотел бы иметь девушку «для души» и обязательно – с интеллектом.

Человек на досуге всегда думает о себе, о том и о сем, но чаще всего – о том!..

Ева собралась – было – послать клиента в общество «Знание», бояться любви – значит бояться жизни... но следом пришла платежка: если такое бабло, слушайте, тратится за «разговоры по душам», сколько же у народа денег, особенно – у политиков?

Галстук от Кардена, заколочка, «Роллекс», и, обязательно, девушка с длинными ногами – образ мужчины эпохи Ельцина.

Профессия господина-заказчика, далее «клиент» – «работать с массажи».

Беложопый, блин! Рискнуть, что ли? «массовика-затейника» этого... Альке скинуть? Не слишком? А кому еще?! Сергей Иннокентьевич – пусть остается... «массовик-затейник» – параллельная линия, параллельный шмон, так сказать, и пусть Алька (черт с ней!) сердечно ненавидит обоих! «Массовику» – девушка для души, и Альке «массовик» для души, урожай в любом случае будет, это ясно!

Пьяные змеи ползают прямо. Вот только как привести ее в чувство?

Есть, впрочем, один хороший, проверенный способ: если Альку травануть хорошенько, со знанием дела, так сказать, затем – найти хорошую клинику, то есть самой же Альке и выходить, руки ей целовать, плакать от счастья... нет, не плакать, слабо... рыдать, рыдать от счастья, что Господь услышал молитвы Евы и сохранил Альке жизнь... у этой

дурочки сердце сожмется в кулак, появится страх одиночества... стихийное бедствие как способ убить в человеке человека, сделать его холопом... – хороший вариант, правда?

Ева ждала Альку.

4

– Олеш, Олеш, а «доллар» с двумя «л» пишется... аль как?

– Эва!.. Почему я знаю! – откликнулся Олеша, щуплый мужичонка лет сорока, сильно помятый, но пока еще не упавший, стоявший как раз у той самой черты, которая и отделяет жизнь от полнейшего скотства.

– А ты его видел, доллар-то?

– Видал, ага.

– А где видал?

– У Кольки.

– За бутылку Колька отдаст, как считаешь?

– Ты че, сдурел? Доллар – он же денюга, понял? Су-урьезная, слушай! Ну а припрет поскуду, то отдаст, че ж не отдать-то...

Бревно попало не тяжелое, но вредное – елозило по плечу. Есть бревна хорошие, добрые, сидят на плече будто влитые, будто прилипли. А это бревно ходуном ходит, как пила, в ватник сучки лезут, но ватник-то казенный, черт с ним, а вот идти вязко.

Егорка вздохнул: здесь, в Ачинске, он уж лет двадцать, поди, а к снегу, к морозам так и не привык.

Конец октября, а снег-то какой: утонуть можно, свалишься в сугроб – люди пройдут, не заметят...

Олеша хитрый, у него за пазухой солдатская фляга с брагой, – не угостит, нет, удавится, а не угостит, во человек!

Водка в магазине пятьдесят семь рублей: это что ж в стране-то деется?

Вчера по телевизору негра показывали: у них, говорит, в Африке, когда к власти коммунисты приходят, в магазинах сразу же исчезают бананы. Такая вот елдомотина: если коммунисты, то бананы – тью-тью! Интересно, а как же у них, в Эфиопах, с водкой? В Ачинске бананов сейчас – выше крыши. Олеша брехал, складов для бананов не хватает, так их быстренько по моргам распихали, там температура – звездеч, лучше и не надо. А что? И людям хорошо, и трупы не в обиде. Вот, черт: бананов – прорва, а водка – пятьдесят семь рублей; да Ельцина за одно это убить мало! Наш Иван Михайлович, как Ельцина... красавца этого... увидал, сразу все понял. Вы, говорит, присмотритесь, у него под физию жопа переделана, это подозрительно. Он-то все у нас видит, Иван Михайлович, потому что – умный. А еще – охотник хороший, от него не только утка, от него сам глухарь не увернется, хотя нет подлее птицы, чем глухарь, – нету! Осенью, правда, чуть беда не вышла: отправился Иван Михайлович браконьерить, сетки на Чулым ставить, а с ночи, видать, подморозило, «газик» закрутился и – в овраг...

Бог спас. Бережет Бог начальство! Странно все-таки: Сибирь есть Сибирь, холод собачий, а люди здесь до ста лет живут...

Ельцин – да?.. Страна что ж? Перестала отличать плохих людей от хороших? Слабых от сильных... – так, что ли?

Директор Ачинского глинозема Иван Михайлович Чуприянов для Егорки был главным человеком в Красноярском крае.

Егорка больше всего на свете уважал стабильность.

Иван Михайлович был железный человек.

«Можа, Ельцин и не дурак, конечно, – размышлял Егорка, – но че ж в лабазах тогда все так дорого? Ты... – что, Ельцин? Не мошь цены подрубить, как подрубал их товарищ Сталин? Знача не упрямысь, к людям сгоняй, посоветуйся! Простой человек потому и простой,

что живет без затей. Он же всегда подскажет тебе, как по-простому сделать, чтоб надежно было, надежно и хорошо, из вашей же Москвы-то Сибирь не разглядеть...»

– Хва! – Олеша остановился. – Перекур! Скоко ж, бля, заниматься?

Бревно упало на землю.

«Горбатый хоть и фуфлогон был, а жаль его, – подумал Егорка. – Дурак, однако: прежде чем свое крутить, надо б было народу полюбиться. А народу – что? Много треба, што ль? Приехал бы сюда, в Ачинск, выволок бы на площадь полевую кухню с кашей, Рыжкову на шею таз с маслом, а сам бы фартук надел да черпак взял. Хрясь кашу в тарелку, а Рыжков масла туда – бух! – в-во! Царь бы был, народ бы ему сапоги лизал!

А Ельцин – и правда ерник, вроде и хочет чего-то, а перегорает быстро, чисто русская натура, в нем все мгновенно переходит в свою противоположность. Не в своих санях сидит человек, это ж ясно, а признаться в этом боитца...»

– Сам-то Михалыч... придет аль как? – Олеша скрутил папироску. – Суббота все ж... праздник ноне...

Иван Михайлович снарядил Егорку с Олешей срубить ему баньку: старая стореда у него еще в августе.

Не-е... если страна перестала отличать слабых от сильных, тогда ей конец, стране, это факт...

О баньке болтали разное: вроде и девок туда привозили из Красноярска, вроде и Катюша, дочка его, голая с мужиками бултыхалась, – только людям-то как верить, люди нынче как собаки, очень злые, не приведи бог – война, в окопы уже никого не затащ-щишь, все бздюхи, мигом у нас пропадает страна...

– Ты че, Олеш?

– Я сча... сча приду.

– Здесь хлебай, я отвернусь, – взорвался Егорка. – Че бегать-то?

– Со мной бушь?

– Нето нальешь?.. Егорка аж рот открыл.

– Пятеру давай – и налью, – твердо сказал Олеша. Он медленно, с аппетитом вытащил из рукава ватника четвертак самогонки.

– Пятеру! Где ее взять, пятеру-то?.. – вздохнул Егорка. Он не то чтобы огорчился, но хмурь на лице была. – На пятеру положен стакан с четвертью – понял? А у тебя тут – с наперсток.

– Ну извеняй!.. – Олеша с размаха всадил четвертак себе в глотку.

– Не сожри брансбоит-то, – посоветовал Егорка. – Босява!

Говорить Олеша не мог, раздалось мычание, глотка работала у Олеша как мощный насос.

Весной Олешу еле откачали. Он приехал в Овсянку к теще: старуха давно зазывала Олешу поставить забор. А бутылки, чтоб приезд отметить, не нашлось. Олеша промаялся до обеда, потом взял тазик, развел дихлофос, да еще теще из тазика плеснул, не пожадничал, родня все ж!

Бабка склеила ласты прямо за столом, а Олеша все-таки вылез, оклемался, но желудок (почти весь) ему все-таки отрезали, хотя водку хлебает, ничего! Только для водки, наверное, желудок-то не очень и нужен, водка сразу по всему телу идет, без буферов. Именно здесь, в Сибири, Егорка убедился: русский человек – не любит жить. Ну хорошо, Ачинск – место гиблое, здесь без водки – гниляк, но другие-то, спрашивается, в других-то городах, посветлее, они-то зачем пьют?..

Наташка, жена Егорки, прежде, как Новый год, так орала, пьяная, что Егорка – сволочь и борзота, хотя он бил Наташку в редчайших случаях.

А кто, спрашивается, сказал Наташке, что она должна быть счастлива?

Правда, тогда квартиры не было, хотя в коммуналке, между прочим, тоже не так уж плохо, весело, по крайней мере; здесь, в Сибири, другие люди, срама меньше, но Иван Михайлович – молодец, квартирку-то дал.

– Зря ты, Олеша... – Егорка поднялся, – папа Ваня явится... по обычаю сразу и нальет... че ж свое перевошь, аль – не жалко?

Олеша сидел на бревне, улыбаясь от дури.

– Ну, потопали, што ль?

Не только в Ачинске, нет, на всей Красноярщине не найти таких плотников, как Егорка и Олеша. Вот нет, и все! Дерево есть дерево, это ж не нефть какая-нибудь; дерево – оно ж живое, оно руки любит, людей!

А если Егорку спросить, так он больше всего уважал осину. На ней, между прочим, на осине, войну выиграла; не было у немцев таких блиндажей, как у нас, строить не умели, вот и мерзли, собаки подлые, поделом им!..

Холод, холод нынче какой; в Абакане, говорят, морозы злее, чем в Норильске. Спятила природа, из-за коммунистов спятила, ведь никто так не заколебал Красноярщину, как Леонид Ильич Брежнев и его красноярские ученички, тот же Федирко, первый секретарь. ГЭС через Енисей построили, тысячи гектаров леса превратились в болото, климат сделался влажный, противный, исчезли сорок видов трав и растений; волки, медведи, даже белки – все с порчей, все больные; медведь по заимкам шарится, к человеку жметя – не может медведь жить на болоте, жрать ему в тайге стало нечего, вон как!

– Пошли, говорю... задрыга!

– Пойдем...

Олеша легко (откуда силы берутся, да?) закинул бревно на плечо. Егорка поднял бревно с другого конца, наклонил голову и медленно пошел за Олешей – шаг в шаг.

– Смотри... Алке-то уж за пятьдесят небось, а как выглядит-то...

– Какой Алке? – не понял Олеша.

– Да Пугачихе... Как это ей удается?..

– А че тут «как»? – не понял Олеша. – Всю жизнь на воле, хакает сплошной центряк, все с рынка небось...

Они медленно шли друг за другом.

– Здорово, ешкин кот!

Директорская «Волга» стояла у забора в воротах, видно, собиралась въехать, да встала, не успела.

Чуприянов улыбнулся. В «Волге», рядом с шофером, сидел еще кто-то, кого Егорка не знал, – плотный широкоплечий мужчина с чуть помятым лицом.

– Здравия желаем, – Олеша снял шапку.

– Здоров! – кивнул Чуприянов.

– Здравсте... – Егорка стоял как вкопанный.

Чуприянов построил дачу на отшибе, в лесу. Кто ж знал, что пройдет лет пять-семь и красноярский «Шинник», завод со связями, заберет этот лес под дачи?..

– Аза осинку, мисюк, можно и по физни получить, – прищурился Чуприянов. – Веришь?..

– Так деревяшки ж нет... – удивился Егорка, – еще ж в пятницу вся деревяшка вышла... А эта и на полати пойдет – любо! Осинка-то мохнорылая, Михалыч... не осинка, а меруха, все равно ж рухнет...

– Тебе, брат, можно быть дураком... это грех, конечно, но не страшный, – Чуприянов протянул ему руку, потом также, за руку, поздоровался с Олешей, – но уж меня ты не срами, слышишь? Еще раз увижу тебя с контрабандой, так сразу Гринпису и сдам, такую жопию получишь – мало не покажется...

– Так его ж пристрелили вроде... – опешил Егорка.

– Пристрелили, блядоебина, Грингаута, начальника милиции... и не пристрелили, а погиб он... смертью храбрых, – усек? А это – Гринпис, это для тебя похуже будет, чем милиция, точно тебе говорю...

Подполковник Грингаут, начальник местного ОВД, погиб в неравной схватке с браконьерами: поехал на «стрелку» за долей, а получил из кустов две пули в лоб.

Человек в «Волге» тихо засмеялся – так, будто он сам стеснялся сейчас своего смеха.

– Вот, ешкин кот, работнички... И на хренища мне такие?.. Ну и как же здесь быть, Николай Яковлевич?

Чуприянов то ли шутил, то ли действительно извинялся, как умел, перед московским гостем.

– Но в лесу эта осинка и впрямь, Иван Михайлович, никому не нужна, вот мужики и стараются, чтоб не сгнила на корню...

– Все равно засопливолю, – Чуприянов упрямо мотнул головой. – Непорядок делают. Здесь все я решаю, я один – когда команды нет, а осинка – уже срублена, это называется бардак... Свой стакан не получают.

– Ну, это жестоко, – опять засмеялся тот, кого назвали Николай Яковлевич.

– Очень жестоко, – подтвердил Олеша.

– Осину, мудан, кукурузь обратно в лес, – приказал Чуприянов, открывая «Волгу». – На сегодня есть работа?

– Как не быть, есть...

Егорка только сейчас, кажется, понял, что его – взрели.

– Вот и давайте, – Чуприянов хлопнул дверцей машины. – А опосля – поговорим.

«Волга» медленно въехала в ворота усадьбы.

Чуприяновский дом был очень похож на старый, купеческий: крепкий, сибирский, огромный. Такой дом лет сто простоит и хуже – не станет, потому что хозяева, сразу видно, уважают дом, в котором они живут.

– Значит, Ельцин так и не понял, что Россия – крестьянская страна... – Чуприянов снял шапку, расстегнул дубленку и спокойно, не торопясь, продолжал прерванный, видимо, разговор.

В нем была глубокая основательность, в этом директоре, – такие люди *сразу* вызывают уважение.

– Кто его знает, что он понял, что нет... Иван Михайлович, он же ускользящий человек... этот Ельцин. Как и Михаил Сергеевич... кстати, – они ведь похожи, между прочим. Помню, в Тольятти... Горбачев торжественно объявил, что в двухтысячном году Советский Союз создаст лучший в мире автомобиль. «Это как, Михаил Сергеевич? – спрашиваю. – Откуда он возьмется, лучший-то?!» – «А, Микола, отстань: политик без популизма это не политик!»

Вот дословно... я запомнил. Знаете его любимое выражение? Информация – мать интуиции... – любимые его слова. Так-то вот, Иван Михайлович...

Они прошли в гостиную и сразу сели за стол.

Чуприянов слушал очень внимательно.

– Но, с другой стороны, Николай Яковлевич, ведь это мы с вами построили лучшие в мире ракеты!.. Да им износа нет!

Чуприянов располагал к себе, видно, что мужик-то открытый.

– Сталин заставил работать на ВПК всю страну, – усмехнулся Николай Яковлевич. – Каждый день Сталин готовился к войне – и не напрасно! Другое дело, что, как все самоуверенные восточные люди, он совершал страшные глупости, отсюда и катастрофа сорок первого года. Но именно потому, что все силы этой страны исторически были брошены на ВПК,

силы и деньги, у нас ничего не оставалось на электронику, холодильники, пищевку, ботинки и т. д. А все ракеты, все до одной, проектировались, между прочим, как военные, мы же летали на военных ракетах, талантливо переделанных из ФАУ, весь космос у нас был военный, только ребята, космонавты, стесняются об этом говорить, о многом и сами не знают...

В доме топилась большая-большая печь. Стол был накрыт на двоих, у печки хлопотала стройная, но совсем некрасивая девочка.

– Катя, моя дочь, – потеплел Чуприянов. – Знакомься, Катюха: академик Петраков. Из Москвы. Слышала о таком?

– Николай Яковлевич, – сказал Петраков, протягивая руку.

Смущаясь, девчонка тоже протянула руку.

– А клюква где? – Чуприянов по-хозяйски оглядел стол.

– Где ж ей быть, па, если ж не в холодильнике?

По улыбке, вдруг осветившей ее лицо, Петраков понял, что Катя ужасно любит отца.

«Клюквой» оказалась водка, настоящая на ягодах.

– А вот, возвращаясь к Горбачеву, другой пример, – помедлил Петраков. – Ему хотелось поговорить, обед обещал быть знатным, не спешным, во дворе, на костре, рядом с огромной белой собакой, но мирно спавшей, впрочем, варилась (в ведре из нержавеющей стали) уха. Рыба лежала здесь же, на столике, в твердом марлевом кульке, то есть рыбу еще даже не кидали. – Восемьдесят шестой, Иван Михайлович, Целиноград. Доказываем Горбачеву: если хлеб у нас – двенадцать копеек батон, да пусть даже и восемнадцать, нет разницы, селянину выгодно кормить скотину исключительно хлебом, потому что силос и комбикорма у нас ровно в два раза дороже. Но хлеб-то мы каждый год закупали в Канаде! До того докатилась страна, что на зерно уходил (по году) миллиард долларов! Яковлев, помню, Александр Николаевич, вписал в доклад Горбачеву небольшой абзац: цены на хлеб надо поднять на семь копеек за булку!

Михаил Сергеевич выступает, народ его приветствует, говорит, как всегда, – много, долго. Про семь копеек – ни гу-гу. Исчез абзац Яковлева, как корова слизала!

Мы – тут же к Горбачеву: как же так, Михаил Сергеевич?! Народ в деревнях скотину хлебом кормит, а мы – миллиард за зерно!

Молчит Горбачев, глаза отвел, нас вроде как не слышит. И вдруг – Раиса Максимовна... а она ведь не говорила, она как бы выпевала слова: Александр Николаевич, Нико-о-лай Яковлевич... не может же Михаил Сергеевич войти в историю... как Генеральный секретарь, который повысил цены на хлеб...

– Во баба! – вырвалось у Чуприянова. – Ну что, понеслись?.. – он разлил водку. – Я приказал Катюшке всегда на закуску подавать горячую картошку, чтоб помнил народ, кто мы и откуда, из каких земель родом...

Чуприянов улыбнулся – широко, по-русски...

– Картошка – великолепно, – согласился Петраков. Он любил поесть, это чувствовалось. – Картошка это всегда хорошо, я вот без настоящих драников жить не могу... Ваше здоровье, Иван Михайлович!

– Ваше! – с улыбкой откликнулся Чуприянов.

«Клюква» прошла божественно.

Катя действительно принесла тарелку с дымящейся картошкой, посыпанной какой-то травкой, правда сухой.

– Мы сейчас, когда пить садимся, такое ощущение, что у нас поминки... – вдруг тихо сказал Чуприянов. – Я своих, красноярских, имею в виду. Сашу Кузнецова, героя Соцтруда, Гуполова – ракетчика... Коллег, Николай Яковлевич. Руководящий состав. Мы ведь всю жизнь знаем друг друга, знаем цену друг другу... и пьем – молча, особенно поначалу, все слова-то у нас уже сказаны, точка...

– А с кооперативов все и пошло... – Петраков поправил очки с толстыми-толстыми стеклами. – Страну-то... а, Иван Михайлович, дорогой мой человек, разве не директора развалили... – вот что вы скажете? Самый вороватый народ оказался, директора! Хуже Егорки... – верно?

– У меня кооперативов не было, – тяжело вздохнул Чуприянов.

Они, видно, хорошо поговорили еще дорогой, проверяя – друг на друге – свое ощущение времени. Чуприянов был в Красноярске на экономической конференции, пустое дело, кстати говоря, эти конференции, толка в них нет, Чуприянов остался в Красноярске на ночь, а утром, за завтраком, пригласил Петракова в гости: самолет в Москву поздно вечером, программа у делегации составлена по-идиотски, весь день – пустой, только посещение (зачем, да?) каких-то спортивных школ.

Академик Российской Академии наук Николай Яковлевич Петраков был прав.

Развал Советского Союза, сначала – полный распад экономики, финансовой системы, а затем – и самой державы, начался с кооперативов.

1988 год для Советского Союза оказался страшнее, чем 1941-й, хотя подлинный масштаб трагедии страны открылся, на самом деле, только сейчас, в 1992-м, когда самого государства давно уже нет.

Чисто русская ситуация, между прочим: страна, СССР, развалилась, исчезла, а вот как, все-таки, так произошло, что великая держава, намертво сколоченная, казалось, властью, исполкомами, идеологией, Комитетом государственной безопасности, цепочкой заводов, которые не могут жить друг без друга, связью, границами... – как, все же, случилось, что *такая* страна *мгновенно* взорвалась изнутри и почему (вот самый главный вопрос) нация, которая *вдруг*, в одночасье, потеряла... ни много ни мало, свою страну, только через год после Беловежской Пуши... – год! не раньше! – сообразила, наконец, что страна, оказывается, осталась без страны... вот почему не сразу? Не день в день? Как же это объяснить? Ведь только что был *всенародный* референдум за сохранение Союза республик как единой страны: «да, да, нет, да...»!

– 88-й, – невозмутимо продолжал Петраков, – верно, Иван Михайлович?.. Закон «О кооперации», детище Совета министров и лично Рыжкова. Рыночный механизм советского разлива – предприятия получают право (фактически, на условиях еще одного цеха...) создавать кооперативы, по сути – частные предприятия, которые – внимание! – должны питаться исключительно от государственных ресурсов.

Какое чудо, да? Какой родник! Государство!

А откуда, от каких родников, им питаться, кооперативам-то, есть какие-то варианты... что ли?

Огромные закрома Родины к услугам частников, «живой уголок» – кооперативы! – среди ржавых железок старых заводов.

Рыжков (рыночный зуд, да? или... что-то совсем другое?., кто ответит?) не останавливается: мало того, что кооперативы просто *за копейки* получают в руки государственные ресурсы, включая нефть... – Николай Яковлевич, потянулся за картошкой, – Рыжков *вдруг* дарует кооперативам право на любые экспортные операции! Помните, какой шум был, Иван Михайлович: Собчак на съезде депутатов в клетчатом пиджаке... крик... шум... танки в Новороссийске, кооператив «Ант», полковник КГБ в отставке... Ряшенцев, по-моему, если не путаю фамилию... Через три года этот парень, Ряшенцев, загнется от неизвестного яда в госпитале под Лос-Анджелесом на руках моего друга, профессора Володи Зельмана. Кто отравил? А кто знает? Они, эти американцы, грандиозные врачи, между прочим, но американцы так и не выяснили, не установили, химическую формулу яда, которым траванули Ряшенцева.

«Ант», семь старых танков, говна-пирога, будем говорить прямо, говорить; «Ант» и Ряшенцев это, на самом деле, провокация КГБ против кооперативов и лично Рыжкова, так, кстати, и Михаил Сергеевич объяснял – в узком кругу. Комитет, видно, очень хотел *продемонстрировать*, как все эти сукины дети – кооперативы – грабят страну... – но в 88-м, Иван Михайлович, кто слушал КГБ, верно? Крючков – это же не Юрий Андропов, так? А Рыжков дальше идет: Совмин *поощряет* кооперативы создавать собственные банки. Оп-па! Госбанк, Внешэкономбанк больше не нужны, вон что! единая финансовая система страны приказала долго жить, банков у нас теперь много. И – самое главное: Рыжков и Совмин не возражают, чтобы у кооперативов, то бишь у заводов, у директоров, появились бы свои фирмы-филиалы, фирмы-партнеры... Где? Как где? За рубежом, естественно, где же еще!

Петраков произносил слова так, будто читал лекцию – он, похоже, готовился к книге на эту тему.

– А правду хотите? – Чуприянов опять разлил «клюкву». – Я б пока... прочухал Рыжкова, уважаемый Николай Яковлевич, тут и 88-й прошел бы, и 89-й... – сто процентов! Директора, такие как «КраМС», крупные директора, тогда, в те годы, все ж заметно побаивались друг друга, никто, до дна, не был откровенен, ибо КГБ – он же повсюду! Счас-то мы осмелели, а вот тогда! Здесь же, – Чуприянов помедлил, – дело-то деликатное... Это мы теперь немножко расслабились, а тогда...

Петраков задумчиво копался в картошке.

– Я думаю вот о чем все время... кто Рыжкова-то вел, так целенаправленно, какие силы, уж не смену ли Горбачеву готовили – как? А потом, после его инфаркта, подхватили – кто? Откуда ветер? – Ельцина? Мне бы это понять... Ведь нет в таких «комбинациях» следов, они не остаются, следы уничтожают.

– Схема-то явно не «рыжковская», так? Здесь сила чья-то чувствуется, ведь кооперативы – это предтеча. Тихо-тихо предприятия Советского Союза (кооперативы при предприятиях – одно и то же!) освобождаются от любых обязательств перед государством. Заводы *незаметно* для общественного мнения уходят пусть не в частные руки, это, как мы видим, происходит (повсеместно) только сейчас, но – под *контроль* частных, – Петраков сам выделял ключевые слова, – то бишь кооперативов; границы страны для их продукции распахнуты, а резервы выделяются фактически бесплатно. Репетиция... Да? Репетиция 92-го? Приватизация по Гайдару? Помните, в «Гамлете», Иван Михайлович... – он поднял руку на мать... Родина-мать... – да? Нельзя поднимать руку на мать – так подняли же! Более того, Иван Михайлович, дорогой мой директор легендарного ачинского глинозема, Рыжков и его коллеги подмахивают – один за другим – почти двадцать государственных актов, отменяющих монополию на внешнеэкономическую деятельность!

– Е-о-шкин кот... – Чуприянов откинулся на стуле.

– Я не поленился... – Николай Яковлевич увлекся и говорил все громче и громче, – я подсчитал: уже за первые три-четыре недели кооперативы были зарегистрированы на семи-стах сорока заводах Советского Союза, включая Уралмаш, Ижорсталь и другие гиганты...

А? Как?!..

Вопросы повисали в воздухе.

Петраков совершенно не знал Чуприянова. Прежде они не встречались, да и где бы им было встретиться? Но об ачинском глиноземе Николай Яковлевич действительно слышал часто: комбинат – огромный, в прежние годы здесь трудились почти девятнадцать тысяч человек, сейчас осталось десять тысяч, упали объемы, ибо новозеландский глинозем вдруг оказался лучше, чем свой, собственный, сибирский.

Глинозем действительно отличался, хотя и не сильно. Это повод оставить людей без работы?

Из всех экономистов России академик Петраков был одним из самых-самых сильных.

– А кто же во главе, да? – спокойно продолжал Николай Яковлевич, теребя в огромных толстых руках рюмку. – Давайте посмотрим, кто стоит во главе этих кооперативов. Знаете, старый анекдот, – в Баку приехала комиссия из Москвы, гражданскую оборону проверяет. Сидит самый главный товарищ по этой обороне, пьет чай.

– Доложите обстановку, – требует комиссия.

А он, значит, гостеприимно так: «Садитесь, пожалуйста, гости дорогие, мы чай по-опьем, потом покушаем, потом все вам доложим, все покажем...»

Те – ругаются: в каком вы, товарищ, виде, доложите обстановку, что у вас здесь происходит?.. Где противогазы? Где спецкостюмы? Куда делись!..

– Да вот, говорит, гости дорогие, рыбалка большая у их была, в лиман на осетра ходили, там у нас комары, спецкостюмы хорошо подошли...

– А если завтра, товарищ, будет атомный взрыв? Если атака газовая?

– Ой-ой, не говори, слушай, не говори, брат: на весь мир опозоримся, точно тебе говорю...

Вот и опозорились, Иван Михайлович, наши начальники на весь мир – стыд-то сразу пропал, в момент: кооперативы возглавили жены и старшие дети директоров заводов, родственники секретарей обкомов и облисполкомов, руководителей спецслужб на местах, прежде всего – КГБ, они ж... у нас... самые быстрые, наследники Дзержинского... ну и – близкие многих-многих товарищей из Москвы, из отраслевых министерств... Прежде всего они!

– А у меня Катюха... – Чуприянов улыбнулся, – смирно дома сидела, потому как все мы здесь – недотепы!

– Понимаю, – кивнул головой Петраков. – Понимаю! О присутствующих – правду и ничего, кроме правды, то есть только хорошее, тем более – под уху с «клюковкой»... А вот близкий приятель мой, директор большого-большого машиностроительного завода, кинул на кооператив, на «схему», как они говорят, свою жену, учителя словесности, – выпускать запчасти для тракторов... И каких!

– Послушайте, – Чуприянов мял руками лоб, – послушайте, Китай при Дэн Сяопине именно так выползал из социализма, через частников...

– ...Да. Но без права гнать их товар за рубеж, – улыбнулся Петраков.

Со стороны он казался большим ребенком – Николай Яковлевич все время как-то по-детски поправлял очки на носу и близоруко (в этом тоже было что-то детское) смотрел по сторонам.

– Китай, его кооперативы, создавали, дорогой Иван Михайлович, конкуренцию товаров у себя в стране, исходя из принципов социалистического соревнования. А Николай Иванович, получив – вдруг – горячую поддержку Михаила Сергеевича... при абсолютно беспомощном... уже тогда... КГБ, ибо Крючков опустил «контору» ниже некуда, – они, хочу заметить, играли только на границу, причем деньги, выручка товаропроизводителей оставались там же, за кордоном.

Иными словами, это был правильный шаг в ложном направлении – а у Китая никогда не было ложных целей, Китай сам себе не враг, потому и живут китайцы все лучше и лучше!

К концу 88-го, дорогой Иван Михайлович... дорогой мой директор... нефтепродукты и хлопок, цемент и рыба, металл и древесина, минеральные удобрения Олышанского и кожа – все, что Совмин и Госплан выделяли для насыщения внутреннего рынка Советского Союза, все это поперло за рубеж эшелонами. И прежде всего в Китай, кстати говоря! А разрушив (через коммерческие банки) единую финансовую систему СССР, народ, те же директора, между прочим, стали... не обижайтесь, дорогой Иван Михайлович, из песни слов не выкинешь... стали складывать деньги в кубышку, будто... заранее знали, заранее готовились к акционированию своих предприятий, ждали, короче, именно Гайдара!

Январь 89-го – какая скорость, да? – записка Власова, Шенина и Бакланова, страшный документ, я его видел своими глазами: «Обеспеченность сырьем, материалами в автомобильной и легкой промышленности Советского Союза составляет не более 25 %. Строителям на жилье и объекты соцкультбыта приходит лишь 30 % ресурсов. Многие предприятия, по словам министров, т.т. Паничева, Пучина, Давлетовой вот-вот встанут...»

А где ресурсы – да? Куда делись ресурсы? Кто знает?

Как где? Все знают! Через кооперативы их волокут за рубеж...

И обрушился весь внутренний рынок страны.

Отменить бы им эту глупость... правильный шаг в ложном направлении... – да?

Не отменили. Вот так? Да так! Для меня это загадка... – или Горбачев уже тогда боялся кого-то?

Что же делают наш дорогой Совмин, наш дорогой Рыжков, когда внутренний рынок страны – поплыл? Правильно, все у нас как всегда: из закромов Родины Совмин выделяет золото на закупку товаров и продовольствия за границей.

Золото рекой плывет за рубеж, продовольствие, наше собственное продовольствие, включая мясо, рыбу и хлеб, повсеместно оформляется теперь как «забугорное»: суда загружаются в портах Таллина или Риги, огибают Европу и приходят в Одессу, где русская пшеница вдруг оказывается (по документам) уже импортной – по цене 120–140 долларов за тонну...

Петраков остановился и внимательно посмотрел на молчавшего Чуприянова, – Иван Михайлович не пил, думал, уставившись в стол, о чем-то о своем.

– Вот он, 88-й год, – закончил Петраков. – Заводы – действительно встали, причем – по всей стране, хозяйственные связи оборвались, а в ответ тут же появились известные народные фронты, люди вышли на улицу: в Куйбышеве на митинг протеста собралось почти 70 тысяч человек.

Чуприянов молчал.

На стене тикали старые ходики, вокруг висели фотографии в красивых рамках, в окне истерически билась жирная муха.

На дворе – снег, а в окне – муха, вот как это может быть?

– Будто... о какой-то другой стране говорите... – протянул Чуприянов. – А мы тут жили-жили... почти ничего не замечали, а в то, что замечали, – не верили...

– До полного развала страны оставалось два года, – заключил Петраков.

– А Егор Тимурович, значит... теперь и до нас добрался? – вздохнул Чуприянов. – Длинные у вашей Москвы руки... И за Ачинск схватились...

Ему очень хотелось поменять тему.

– Приватизационный чек – десять тысяч рублей! – откликнулся Петраков.

Он быстро приналег на картошку и был, казалось, очень доволен.

– Хороший человек, – хмыкнул Чуприянов. – А цифры у него откуда?

– Как откуда? С потолка, Иван Михайлович, откуда же еще? Но это не вполне рубли.

– Как? – изумился Чуприянов. – Ишь-ты... А что ж... тогда, коль не рубли, можно спросить?

– Никто не знает, слушайте...

Петраков красиво допил свою рюмку.

... Такой стол, конечно, может быть только в России: все либо с огорода, с грядки, либо – из леса. Россия никогда не умрет от голода (на это, видимо, и расчет местной власти, кстати говоря, потому что власть на местах очень быстро сейчас превращается в паханат), ибо главные богатства страны это, конечно, не нефть и газ, а лес, озеро или река.

Самое чудесное на русском столе – это моченые яблоки, но никто не знает, как их подавать: то ли как десерт, то ли как закуску.

– Рубль есть рубль, – вздохнул Чуприянов, – в России царей не было, Романовых, а рубль – уже был... – слышите, да? Москвичи! Если это не рубль, значит, не пишете... на вашей новой бумажке... что это рубль, че ж людей-то дурить! Приватизационный талон... или... как?..

– ...ваучер. У Гайдара человек есть, – сообщил Петраков, – Володя Лопухин, он и предложил назвать эту счастливую бумажку ваучером; словечко, конечно, непонятное, но грозное...

Чуприянов снова разлил «по клюковке».

– Ваучер, надо же... Замечательная русская забота – угроза: «Не влезай, убьет!» на английский язык, как известно, не переводится, англичане не понимают, что это значит. Зато мы, русские, понимаем с полуслова... Рыбу кидай, – приказал он Катюше. – И водку в уху, лучше – полстакана, так?..

По голосу чувствовалось: большой начальник.

– А водку-то... зачем? – не понял Петраков.

Прежде он никогда не слышал, чтобы в уху добавляли водку.

– А еще, ешкин кот, надо обязательно в ведро с ухой опустить березовую головешку. Чтoб наварчик, значит, дымком отдавал, иначе это не уха, это будет рыбный суп!..

Про головешку Петраков тоже слышал впервые.

– Надо ж... рецепт какой...

– Старорусский, – широко улыбнулся Чуприянов. Вэтой улыбке была такая открытость, что сразу становилось тепло: видно же, искренний человек, русский, без дна. – Там, в ведре, литров шесть водицы, не меньше.

Чтобы она стала ухой, полагается шесть килограммов линия – хариус у нас нынче идет на второе... раздельное питание, короче говоря, рыбный день... Варим так: рыбка опускается в марле... и кипит в ведре, пока глаз у рыбки не побелеет. Почему? Да потому что рыбы в бульончике или костей, не дай бог, не может быть; рыба всегда подается отдельно, ставится на стол рядом с бульоном, и лучше всего – в деревянной мисочке...

Если – тройная уха, значит, не обессудьте: три раза по шесть килограмм, марля за марлей... каждый кидок – минут на семь-десять, не больше. Но обязательно должны быть ерши. Если уха тройная – обязательно ерши, а ерши нынче делясь куда-то, нет их в озере, вот хоть убейся...

Таких, как Чуприянов, директоров, Бурбулис обзывал «красными директорами».

Это он как клеймо ставил, а директора посмеивались: красный цвет – цвет крови, «красный» – значит... директор до века, до последнего вздоха.

Паразит он и есть паразит – вот только откуда этот Бурбулис взялся?

Почему так много сейчас паразитов?

– Если на Западе вам заказывают отель, выдается специальный талончик – ваучер... – закончил Петраков. – Отсюда и заголовок...

Он ел не отрываясь, в обе щеки, не замечая крошек, валившихся изо рта.

– Черт его знает, – усмехнулся Чуприянов, – я в отелях не бывал... всегда жил только в гостиницах, но считать, раз такой мажор пошел, я умею, грамотный...

Сколько людей сейчас в России? Сколько осталось, точнее говоря? Мильонов сто пятьдесят – так? Умножаем на десять тысяч рублей. Умножили? Умножили. И что? Правительство... Ельцин этот... считают, что вся собственность Российской Федерации... заводы, фабрики, комбинаты, железные дороги, порты, аэродромы, магазины, фабрики быта... все, что есть у России... все это стоит... – сколько? – Чуприянов напряг лоб. – Полтора триллиона... – всего? Нынешних-то рублей? Е-ш-шты... – а они у нас считать-то умеют, эти министры? Они хоть школу-то закончили?.. Как, Николай Яковлевич? Да, у нас один «Енисей», – Чупри-

янов мотнул головой, – вон он, на том берегу... тянет на пару миллиардов, а если с полигоном, где Петька Романов, Герой Соцтруда, свои ракеты взрывает, и поболее ведь будет...

Петраков взял рюмку.

– И что... они, демократы ваши, думают власть удержать после такого жульничества?..

Да я сам народ в Ачинске на улицы выведу!

Когда русский человек нервничает, в нем всегда появляется некая угроза – обязательно!

– Ну хорошо, это все – пацаны, – заключил Чуприянов. – А Ельцин-то, Ельцин куда смотрит?

Он злился.

– Особый случай, как говорится... наш новый Президент. – улыбнулся Петраков. – Но меня вот... – Чуприянов подлил водку... – да, благодарю вас, Иван Михайлович... меня вот что интересует: если вдруг случится чудо и в обмен на ваучеры ваши мужики получают, все-таки, акции Ачинского глинозема... вот как сибиряки себя поведут? Комбинат – огромный, стабильно имеет прибыль, значит, тот же Егорка... вправе рассчитывать на свою долю – верно? Как он поступит: будет ждать свою долю... год, другой... или продаст, к черту, свои акции... вот просто за бутылку?

Катюша разлила по тарелкам уху, но Чуприянов не ел – он пристально, не отрываясь, смотрел на Петракова.

– Если сразу не прочухает – продаст, – быстро сказал Чуприянов.

– Так... – Николай Яковлевич согласно кивнул, – а если... как вы выразились... – что ж тогда?

– Тоже продаст. Станет моим ставленником, вот и все.

– Кем, Иван Михайлович?.. Кем станет?

– Моим ставленником. Я ж его сразу раком поставлю, что ж здесь непонятного? Я что, дурак, что ли, егоркам такой завод отдавать?

К чертовой бабушке вниз по течению, короче говоря...

Чуприянов, кажется, уже опьянел. «Вся русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело, – подумал Петраков. – Кто это сказал? Ведь кто-то сказал... – как же точно сказано, а?..»

– Они ведь – трудовой коллектив, Иван Михайлович...

– Насрать! Раз трудовой, вот пусть и вкальвают, – огрызнулся Чуприянов. – Чем дальше в лес, тем б...ди дешевле! А с прибылью комбината мы уж сами как-нибудь разберемся, верно говорю.

– Упрется Егорка, Иван Михайлович. Не отдаст!

– Ишь ты, пьянь тропическая! Так я ж ему такую жизнь сорганизирую, да он тут же повесится, сердечный! Причем – со счастливой улыбкой на своем вечно небритом лице, потому что здесь, в Ачинске, ему некуда идти, все тропы обрываются, город маленький и без комбината ему... да и всем тут... – хана просто...

Но вот вы, умные люди, академики, бл..., объясните мне, старому глиномесу: если наше государство вдруг сходит с ума, почему в Москве это сумасшествие называется реформами? – Чуприянов взял рюмку, покрутил ее и – резко поставил, почти кинул обратно на стол. – Если наше государство не хочет покупать глинозем само у себя, если наше государство не хочет (или не умеет) распорядиться своими богатствами – что ж... да ради бога... пусть государство покупает основные богатства не само у себя, а у Чуприянова, я ж за! Разбогатею, это факт, раз кооперативы про...бал, хоть сейчас-то разбогатею! На курорты поеду, на юных гондонок поглазею всласть, можа у меня что и зашевелится... – поди плохо? Только если господин Гайдар отделяет наш комбинат от государства лишь потому, что он понятия не имеет, что такое глинозем, то это, в три гроба душу мать, в корне, извиняйте, меняет *всю* ситуацию в стране – слышите, да? Если этот парень не хочет, чтобы я, по привычке, и дальше

требовал у правительства деньги на новую технику, то я его сразу огорчу – буду! Буду требовать! Модернизировать и перестраивать комбинат из своего кармана я не стану, нашли ж, бл, дурака! Если я разбогатею, так я сразу жадный окажусь! Я теперь буду сволочь. Такой стану жадный – Гарпагон отдыхает! То есть я буду как все, потому что у нас в стране сейчас все сволочи!

Мой комбинат меня не переживет? Нашли чем испугать, я ж старый! Пусть это трухля и уходит вместе со мной на тот свет, оно и лучше будет, значит, незаменимые – есть! А для легенды вообще хорошо: был Чуприянов – была жизнь, а раз помер, значит, и вам всем смерть! Я ж Катюхе своей этот быдлак... не оставляю, быть глиномесом – не ее дело, да и не справится она с комбинатом! Я ей деньгами отсыплю, яйца оставляю, а не курицу, ибо куда же Катюхе моей... столько яиц? – Поймите, Николай Яковлевич, я издавна привык жить за счет товарища Брежнева, Леонида Ильича, или его сменщиков. То есть – государства! Жить за свой счет я, извините, научусь не скоро, потому что у меня дело – к ящику идет!

И всю прибыль я оставляю себе, а не трудовому коллективу, потому что в гробу я видел этот великий трудовой коллектив! Кто они без меня? А никто! Хватит, бл, уже романтики; прибыль я отправлю к друзьям-компаньонам в Австралию, меня там все хорошо знают, потому как я Гайдару совершенно не верю! Да и как ему верить-то? Вы на рожу его посмотрите, как Гайдар подарил нам комбинат, так, пожалуй, и отберет его!

То есть, так... уважаемый Николай Яковлевич, уважаемый наш... академик: я, будьте уверены... лично выгребу из своего производства все, что смогу. Сам (для начала) скуплю его акции, а уж потом, когда на комбинате смертью запахнет, приеду к вам, в Москву, и громко скажу: ей, правительство, гони деньги, нет у меня денег на самосвалы и бетономешалки! Так что думай, правительство, решай: или – спасай мой комбинат деньгами, или Россия у тебя, правительство, без алюминия останется – вот ведь какое греховодье будет, вот ведь к чему дело идет!

Петраков спокойно доедал уху, густо намазав маслом кусок черного хлеба.

– Но если по уму, Иван Михайлович, деньги надо... все-таки... вкладывать в производство, в комбинат... – выдал он наконец.

Самое важное за бутылкой водки – не поссориться.

– А я не верю Гайдару! Я знаю директоров: у нас Гайдару никто не верит. Он что, месил когда-нибудь глину ногами? Он хоть раз ходил, как мы, к зэкам на запретку? У нас же, считай, концлагерь здесь... на вредных участках такие говнодавы сидят – с пером в боку запросто можно рухнуть... Он на нас с Луны свалился, этот Гайдар, понимаете? И с приватизацией ничего не выйдет, будет сплошное воровство – воровство директоров, вот что я сейчас думаю, даже уверен в этом!

...Никто не заметил, как появился Егорка, – сняв шапку, он мялся в дверях.

Разговор оборвался на полужразе, чисто по-русски, как-то незаметно. Чуприянов и Петраков молча выпили по рюмке и так же молча закусили – солеными маслятами. Молодец, Россия: никто в мире не додумался отмечать водку солеными грибочками, а пиво пить с воблой – никто!

– На самом деле по глинозему... решения, кажется, пока что нет, – сообщил Петраков. – А вот алюминий будет продан.

– Какой алюминий? – насторожился Чуприянов.

– Красноярский алюминиевый завод, уважаемый Иван Михайлович.

– Так он крупнейший в Союзе!

– Потому и продают. Купит, говорят, некто Анатолий Шалунин. Сейчас – учитель физкультуры где-то здесь, в Назарове.

– Сынок чей-то?.. – Чуприянов сразу, похоже, пришел в себя, весь хмель сразу пропал.

– Нет. То есть чей-нибудь – наверняка. Не от святого ж духа явление! Лет ему... собственно, вчера узнал... что-то возле тридцати. А может и меньше.

– Куда ж нынешнего денут? Куда отправят? Директора? Он же молодой!

– На тот свет, я думаю, – спокойно сказал Петраков. – Если, конечно, будет сопротивляться.

Он тщательно вытер губы бумажной салфеткой и выразительно поглядывал на раскаленную сковородку, где шипели куски хариуса.

– Кто первый схватит, тот и сыт, Иван Михайлович, вот вам... наша новая национальная идея.

– Значит, – разозлился Чуприянов, – ко мне тоже придут – верно?

– Приватизация будет кровавой, – согласился Петраков.

Они опять замолчали.

За окном только что было очень красиво, светло и вдруг мигом все почернело; так откровенно, так быстро ночь побеждает только в Сибири. Зимой в Сибири нет вечеров, зимой есть только день и ночь.

– Какая глупость: ваучеры должны быть именные! – взорвался Чуприянов. – Только! С правом наследия! Без права продажи из рук в руки!

– Точно так, – кивнул Петраков. – Только Егор Тимурович убежден: именные акции – не рыночный механизм. А он же у нас рынок строит!

– Да плевать мне на Гайдара, прости господи! Ведь будут убивать!..

– Очевидно, Гайдар считает, что на рынке должны убивать, так я думаю. На базаре торговцы... часто убивают друг друга – разве не так? «Хитров рынок», да? Хорошая книжка была...

Чуприянов вздрогнул:

– Но это вам – не колхозный рынок! Это у нас – вся страна! Вы... вы понимаете, что начнется в России?..

– Понимаю, – кивнул Петраков, – что ж тут непонятного? Я только сделать ничего не могу. Я теперь никому не нужен, Иван Михайлович.

– Все мы, похоже, теперь не нужны!.. – махнул рукой Чуприянов.

– Да. Пожалуй, что так...

Ночь, ночь была на дворе, а время – седьмой час...

Егорка закашлялся. Не специально, не из-за врожденной деликатности, просто так получилось в эту минуту, а кашлял он так, будто вместо легких у него – трактор.

– Чего? – вздрогнул Чуприянов. – А?..

И опять стало слышно, как работают ходики.

– Мы, Михалыч, трудиться боле не бум, – твердо сказал Егорка. – Обижены мы... Михалыч!

– В сенях подожди, – взорвался Чуприянов. – Тебя вызовут!

– Но если, Михалыч, кто на тебя с ножом закозлит, – спокойно продолжал Егорка, – ты, Михалыч, не бзди: за тебя весь наш народ встанет, мы всем обществом назаровских носков так огуляем, мало не будет, дело тебе предлагаю!

Чуприянов налился кровью – может быть, правда это «клюковка» вдруг стала такой красной?

– Сиди в сенях, марамой! Appetit гадишь!

Петраков засмеялся:

– Запомни, Егорка, на обиженных в России воду возят!

Егорка вытянул губы и как-то уж совсем по-ребячьему взглянул на Чуприянова:

– Я ж за баню, Михалыч, обижен, я ж не за себя, пойми ты это по-людски, пожалуйста!

Петраков сам положил себе кусок хариуса и аккуратно содрал с него вилкой аппетитную кожицу.

– А пацан этот... Ша... лунов? – Егорка повернулся к Петракову. – Сейчас учитель, штоль?

– Физкультуры.

– А будя, значь, новый у нас начальник?

– Ну, управлять заводом должны управленцы, а он будет хозяином. Так я думаю.

– Знача, рабство теперь вводится? – Егорка смотрел на Петракова широко раскрытыми глазами.

– Так во всем мире, Егорка, – улыбнулся Петраков.

– А мне, мил человек, по фигу как во всем мире – у нас вводится?

– Вводится.

– А зачем?

– Попал в говно – так не чирикай... – опять взорвался Чуприянов. – Это у нас не рабство, а демократия, идиот! Это чтоб лучше было, понял?

– Кому лучше-то, Михалыч? От назаровских! Кому?

– Че пристал, хныкало?! Правду ищешь?

– Ищу.

– А ты не иш-щи... не занимайся фигней...

Чуприянов опять потянулся за бутылкой.

– Я... в общем... в Эфиопах не был, – не унимался Егорка, – там, где комуняки у негров даже бананы отбирают, но сча у нас – не рабство, потому как я вот на Михалыча... могу аж анонимку накатать, сигнал дать куда надо могу, и ее ж, депешу мою, рассмотрю, у нас, в Сибири, порядок такой осталси, – какое ж это рабство? А у счиренков назаровских...

у физкультурников... у этих... всех нас на работу строем погонят, как у немцев в кино... мы ж как пленные станем! А че? нет штоль?.. Мы, Михалыч, назаровских знам! Эти люди – не люди! И деньжиш-щи-то у них откеда? Откеда, я спрашу! Это ж с нас деньжищи! С палаток... разных, где я до Ельцина пиво брал, они ж там зад об зад стоят, – с них! А можа, и зазевался кто... какой-нибудь съездюк... дороги-то на Красноярск во каки широкие, хотя я свечку не держал и понапраслину тягать сча не буду. Но от физкультуры... от ихней... прибыль, видать, большая, раз они завод забирают, в школах таки деньжиш-щи не плотют...

Егорка опасался, что его не поймут и для убедительности перешел на крик.

– А вац-ще, мил человек, – Егорка косо взглянул на Петракова, – когда назаровские к власти придут, они ж свою деньгу на нас отрабатывать станут! А на ком ж иш-що?

– Так ведь и сейчас несладко, – возразил Петраков. Ему определенно нравился этот человечек.

– Несладко, да, – кивнул Егорка, – но беды-то нет, недостатки есть, а беды-то нет, потому как счас мы – не говно, а будем говно, точно тебе говорю!

Погано живем, скушно, Москву вашу не видим – факт. Но деньги у нас никто сча не отымает. Деньга есть пока. Жизнь есть! А эти ж – эти ж все отберут! Эти – такие! Михалыч – директор с характером, тока он у нас не тухтач, как назаровские! С Михалычем-то мы и договориться можем, а к тем-то гражданам просто так не подойди! Они так фаршмачить начнут... все с нас выгребут, прямиком до нитки, они ж воц-ще нам платить не будут, потому как не умеют они платить! И не люди мы станем без денег-то, хуже собак станем, озвереют все, потому как это собаки без денег обходятся, а человек – нет! Затопчут они нас, ты послушай! Так затопчут... – хуе-мое с бамбулкой, прямым текстом тебе говорю, нам и самим-то за себя стыдно станет, хотя б перед детишками родными, во... в какое состояние мы войдем, а как потом выходить будем? Да и не спросит нас никто, потому как страна эта станет уже не наша!

– Краснобай... – протянул Чуприянов.

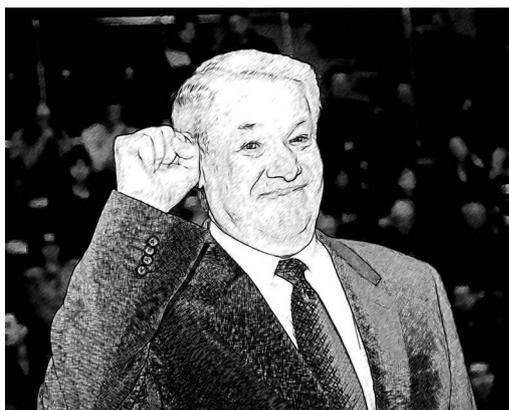
И опять все молчали.

– Я, – Егорка помедлил, – можа, конечно, и не то говорю, мы ж барашки, в лесу живем, но если назаровские, мил человек, у вас завод покупают, то вы там, в Москве, все с ума посходили! И это я кому хошь в глаза скажу, а правительству – в морду дам, если это ваше правительство где-нибудь встречу!.. И че вы, мил человек, – Егорка смотрел сейчас только на Петракова, – к нам в Сибирь лезете?.. Че вам всем нейдет-то, а? Мужики наши в сорок первом... с Читы, с Иркутска... не для того Москву защищали, чтобы она счас для нас хуже оккупантов была! А Ельцину я сам письмо составлю, хоть и не писал отродясь ничего, – упряжу, значит, шоб назаровских не поддерживал, он же сам потом пожалеет! И ты, Михайч, знай: мы – правду любим! Да разишь мы... тока? В России все правду любят! И баньку мы с Олешей строить – не будем, неча нас обижать... осиною разной... а если я вам обедню испортил, так вы уж звиняйте меня, какой есть!..

Егорка с такой силой хлопнул дверью, что Катюшка – вздрогнула.

– А вы, Иван Михайлович, его на галеры хотели, – засмеялся Петраков. – Да он сам кого хочешь на галеры пошлет!

Чуприянов не ответил. Он сидел, опустив голову, сжимая в руке давно опустевшую рюмку.

5

Ельцин чувствовал, что он превращается в зверя. В удава.

На крест не просятся, но и с креста не бегают!

Он бы с удовольствием, конечно, отправил бы на тот свет Хасбулатова, за ним – Руцкого, Зорькина, но Хасбулатова – раньше всех.

А как иначе? Россия, вся Россия, давным-давно банда, здесь, уж извините, кто кого! Ведь они, компания эта, они его, Бориса Ельцина, не пощадят, случись что, они уже приготовили ему гильотину. А может быть и галстук из каната – им все равно! Президент *обязан* расправиться с теми, кто готов (желающие есть всегда) расправиться с ним, с лидером нации, выбить из-под него стул, точнее – царский трон...

Ну хорошо: Хасбулатов приговорен (он, Ельцин, его приговорил), Коржаков и Стрелецкий, его сотрудник, все сделают как надо, несложно, наверное... дальше что? Какой выход? Длинная шеренга, вон же их сколько, сволочей, кровные враги, понимаешь... Трупом больше – трупом меньше, конечно, – но Европа? Америка?! Что скажет «друг Билл», увидев гроб уважаемого Руслана Имрановича, а? Чья работа, эти похороны? Кто хулиганил? Чьи уши торчат?

Демократического... можно сказать... Президента, так что ли?

Но и цацкаться с ними... прав Коржаков... они-то, его служба, уже натренировали руку на наглецах-банкирах (что-что, а убивать эти ребята мастера, действительно мастера, у них все как в кино, понимаешь...) – да, конечно, Руслан Имранович легко уйдет вслед за господами Медковым («Прагмабанк»), Литвиновым («Россельхозбанк»), был бы приказ, как говорится!..

Ельцин боялся всего и всех, именно так – боялся всего и всех, поэтому не гнал от себя даже самые мрачные мысли.

Он, Президент, больше всех боялся того государства, той системы рыночных отношений, которые он же и создавал – тупо, совершенно тупо подчиняясь той демократии, которая крутила им как угодно, во все стороны, налево и направо.

Он оказался в заложниках у них, у демократов, он мог поменять любого министра, мог, конечно, но он никогда бы не решился поменять всех министров сразу. Да и выгнать, прямо скажем, кого-то из них он уже не мог, силенок не хватало, тут же Америка встала бы за их спиной, – Ельцин слишком поздно сообразил, что он на карту поставил, оказывается, свою жизнь; ему совершенно не улыбалось умирать за демократию, не для этого он всю свою жизнь делал карьеру!

Американцы могли бы убрать его в два счета, никакая охрана от них не спасет; Президентом России стал бы (уж они бы помогли!) Чубайс или Гайдар.

Кеннеди убили, а уж его-то, прости господи!..

Ельцин все время думал об этом.

Только что, неделю назад, кортеж машин банкира Гусинского на Арбате подрезал служебную «Волгу» Коржакова.

«Кто ж это шмаляет-то?» – удивился начальник службы безопасности Президента!

Ельцин согласился: беспредел на дорогах в Москве надо заканчивать, Гусинского пора поставить на место и провести фронтальную проверку его «Мост-банка», здесь без Генеральной прокуратуры не обойтись.

Очень хорошо: против «Моста» и Гусинского была тут же проведена *войсковая операция*: сотрудников «Моста», его охрану и *всех* случайных прохожих на Калининском проспекте люди Коржакова положили в сугробы – на полтора часа. Гусинский кинулся в Шереметьево – сбежал в Венгрию... от греха подальше, как говорится; он был уверен, что его

либо убьют, либо арестуют. – Да, он, Борис Ельцин не сажал в лагеря, не сажал в психушки... зачем? его специальные службы просто убивали людей... – и с Хасбулатовым *в принципе* все вопросы были уже решены (спровоцированный инфаркт, что проще, на самом деле, хотя... раз на раз не приходится, конечно. По «совету» Горбачева, шеф КГБ Чебриков пять лет назад провел такой «опыт» с Гейдаром Алиевым, ибо Горбачев был уверен, что *незаметно убить* Алиева легче, чем отправить его на пенсию, но Алиев выжил). А пуля в лоб... восемь граммов свинца, так просто, да?., пуля не выход в данном случае, ибо Хасбулатов тут же, мгновенно, просто через час после смерти будет назван в России национальным героем. А как? Он, Председатель Верховного Совета, погиб в борьбе с Ельциным, с его режимом; Россия любит убитых, Россия любит убитых больше, чем живых... – лесная страна, вся страна – лес, в лесной стране – законы леса... люди борются друг с другом как звери, как лесные дикари. – Да, надо бы, конечно, как-то иначе, умнее, – *подвести* Хасбулатова и Руцкого под *официальную* казнь, под Уголовный кодекс, под расстрел. Пуля, но *по закону*. И картинка хорошая, все как на Западе, все как у людей, понимаешь: Хасбулатов и Руцкой идут, сложив за спиной руки, на казнь, а вокруг – ликующие крики демократической толпы. (Пометка в ежедневнике Президента: «Площадь: использовать Новодворскую».) И – рокировка: вместо Хасбулатова, понимаешь, – академик Юрий Рыжов, коль он отказался от должности премьера, вместо Руцкого – Галина Старовойтова...

Он был агрессивно провинциален, этот человек.

Жуткое одиночество. Именно так, жуткое.

Ельцин очень хорошо помнил этот день, точнее, вечер: 22 сентября 1991 года.

Все началось именно тогда, 22 сентября, – с записки Бурбулиса на его имя.

Понеслись центробежные силы!

Ельцин не любил читать; в Кремле знали: бумаги, которые идут к Ельцину, должны быть короткими, три-четыре фразы, максимум – пять.

Нет уж: коротко писать Бурбулис не умел.

Ельцин... чуть больше года прошло, а как красив, как молод... да-да, как же молод он был тогда... Ельцин... взял в руки красивый компьютерный текст и еще раз прочитал слова, подчеркнутые Бурбулисом: «Совершенно очевидно, что, столкнувшись с фактом создания нового Союза, Президент СССР будет вынужден немедленно подать в отставку...»

«Верно, – подумал Ельцин, – так и надо, удар под дых. Три республики сразу, одним махом, образуют новое государство – Союз Независимых Государств, как пишет Бурбулис, хотя о названии надо, конечно, еще подумать. А может быть, не три, может быть, и больше... Назарбаев, Снегур... – хотя Назарбаев маму родную продаст, это точно, он никогда не тяготился моральными ограничениями!

Назарбаев очень хотел, чтобы Горбачев сделал его вице-президентом (была такая идея), потом – премьер-министром, Горбачев не возражал, хотя и думал в то время об Александре Яковлеве, потом – о Собчаке. Нет, Нурсултан Абишевич всегда будет крутиться между ним и Горбачевым как соленый заяц – вот хитрый казах!»

Ельцин встал и подошел к окну. Ночью Кремль был чуден, красив и казался большой, невсамделишной игрушкой-пряником.

«Как страшно...» – подумал Ельцин.

Он тихо смотрел в окно. Отъехала чья-то «Волга», и Ивановская площадь совсем опустела.

Ельцину было стыдно. Ельцину было стыдно за самого себя. Как человек, как лидер, он был сильнее и решительнее, чем Горбачев, но Горбачев в Кремле был как рыба в воде, а Ельцин – как слон в посудной лавке.

Горбачев позорил Ельцина несколько раз; сначала – октябрьский пленум, потом – кино о его поездке в Америку и, наконец, случай на Успенских дачах, когда Ельцину пришлось

соврать, что его столкнули в водоем. Отбиваясь от Горбачева и КГБ, Ельцин вдруг догадался, что он, Ельцин, не очень умен. Страх снова, еще раз, оказаться в дураках был у него так силен, что превратился в комплекс: не напороть бы.

Документ лежал на столе. Ельцин знал, что Бурбулис – рядом, у себя в кабинете; по вечерам Бурбулис никогда не уезжал раньше, чем Президент...

Горбачев, Горбачев не давал Ельцину покоя, Ельцин его ненавидел. Президент России любил и умел мстить. А мстить было за что...

В 87-м, после пленума, Ельцин оказался в больнице. Здесь ему все время давали какие-то таблетки. Убить не могли, нет, но отравить мозг, сделать из него придурка – запросто. А странная катастрофа под Барселоной, когда маленький самолет, в котором летел Ельцин, вдруг грохнулся на землю?

Ради бога... Все претензии к испанскому летчику, нечего летать на частных самолетах!

Ельцин смотрел на Ивановскую площадь. Он так и не привык к Кремлю – не смог.

«Вот ведь... Иван Грозный ходил по этим камням...»

Ночи в Кремле были очень красивы.

Ельцин любил власть, любил побеждать. Чтобы побеждать, ему нужны были враги. Всегда нужны! Ельцин умел побеждать, но он не умел руководить. Он умел отдавать приказы. Он умел снимать с работы. Стиль руководства Ельцина сформировался на стройке, потом в обкоме; других «университетов» у Ельцина не было.

Он вернулся к столу. Прямо перед ним в огромной раме чернела картина: река, обрыв и два дерева, похожих на виселицу.

«Надо будет снять», – подумал Ельцин. Странно: он уже месяц в этом кабинете, а картину – не замечал.

Ельцин нажал кнопку селектора. Правое ухо у Ельцина было абсолютно мертвое (простудился в Свердловске), и, как все полуглухие люди, он говорил очень громко.

– Геннадий Эдуардович... я посмотрел... наработки. План хороший. Но... – Ельцин помедлил. – Мало что выйдет... я думаю.

Он тяжело вздохнул.

Бурбулис стал что-то быстро-быстро говорить, но Ельцин его тут же оборвал:

– И... знаете что?.. Идите домой...

Он положил трубку. На часах половина первого.

Ельцин встал, подошел к окну, отодвинул штору и прижался лбом к холодному стеклу.

Да, он хотел власти. Абсолютной власти. Мечта всей его жизни: чтоб над ним, над Ельциным, никого бы не было!

С тех пор прошел год. Абсолютная власть – есть. И что же? В кого он превратился?

В России, как и на всем постсоветском пространстве... (гитлеровский термин, между прочим: «постсоветское пространство») держать власть, именно так: *держат* власть... мог, конечно, только тот человек, для которого человеческая жизнь ничего не стоит, то есть у него уже есть опыт убийств, ибо смерть (самоубийства) людей после расстрела, именно расстрела, у него «на ковре» в горкоме партии, в Москве, тоже убийство.

Если бы Ельцин, о нем речь, если бы Ельцин родился этак бы лет на двадцать пять-тридцать раньше, он был бы органичен, конечно, и в сталинской компании; этот человек, первый секретарь Свердловского обкома КПСС, очень легко менял собственную систему ценностей, очень легко! – И не важно, кто они, его враги... действительно враги или, например журналист Георгий Гонгадзе, то есть один из тех, кто просто осточертел... – быть Президентом и не убивать... нет уж, так не бывает, так не может быть в двадцатом веке, не та это страна, Россия, и не те в этой стране богатства и земли!

Нужен взрыв. Шок. Нужна беда – общенациональная, государственная (видимость беды). Восстание! И – «утро стрелецкой казни»: всех к ногтю, понимаешь, всех, кто изменил Родине, то есть ему, Президенту России...

Хасбулатов – наркоман, завести его легко, очень легко, психика подорвана, амбиций – море! Наживку проглотит – ну и лады, сразу подтянется Руцкой, этот... в стороне не останется, будьте спокойны, ему всегда надо быть впереди, он же генерал!.. – Завести их, завести сволочей, да так, понимаешь, завести, чтоб всю Москву разнесли, хоть в клочья, не жалко... – новую Москву поставим, еще краше сделаем!

Закон власти: главная опасность всегда исходит только от своих.

Одна банда. А в банде каждый хочет быть главарем, в банде каждый, или почти каждый, считает себя смертником, камикадзе, то есть человеком с харизмой, это ж банда, к богатству, к власти, еще большей власти надо успеть как можно скорее, прямо сейчас!

Где гарантия (кто даст?), что господин Бурбулис завтра... нет, не завтра, быстрее, уже сегодня... не превратится в Хасбулатова? Если у государственного деятеля нет личной жизни, просто нет, только карьера, одна карьера... – он что, нормальный человек, что ли?

От таких можно ждать чего угодно, любого подарка!

С месяц назад (любопытная история) прибежал Руцкой: государственный секретарь Российской Федерации Геннадий Эдуардович Бурбулис приказал уничтожить ремонтную базу Тихоокеанского флота – завод атомных подводных лодок в Комсомольске-на Амуре. Под нож! Все производство! У нас, говорит, один «ремонтник» уже есть, нам больше не нужно – под Мурманском.

Логика, да? Где Владивосток? Где Мурманск? У него карты нет, что ли, у госсекретаря?

Движок у лодки стукнет... так что, спрашивается, лодку из Владивостока в Мурманск тащить? Через льды Арктики? За десять тысяч миль?

Хорошо, Руцкой где-то там околавивался, в Хабаровске, что ли: прыгнул в самолет, сорок минут лета... и на завод – а вокруг уже все трясется, стапели режут, газосварка пылает, ребята-рабочие рыдают, как дети, но режут, режут... Бурбулис приказал!

Кто заплатил, кто хозяин? Клинтон? Южная Корея – кто?! Руцкой – к Президенту, орет: Борис Николаевич, от кого у Бурбулиса такое поручение? Он что... в России... обороной командует? Промышленностью?

Кто он вообще такой, собственно говоря? Есть Гайдар, есть Грачев, есть Ельцин, наконец, есть Совбез... При чем тут Бурбулис? Нет в Конституции такой должности – госсекретарь, нет!..

Вот ведь, систему построили, – да? В Кремле все как пожарники работают, только как пожарники!

Ельцин о подлодках, о заводе *впервые* слышит, никто об этом ему не докладывал, даже Бурбулис не счел нужным это сделать... так кто, выходит, страной-то руководит? Царь у нас кто?.. Нет уж, ребята, извините: гнать Бурбулиса, гнать... и Руцкого гнать... Герой Советского Союза, герой войны, а неврастеник... герой-неврастеник... но в первую голову, конечно, гнать Бурбулиса, причем немедленно; и так, можно сказать, хреново на душе, тут еще эта рожа, понимаешь... – чем он, Бурбулис, отличается от Горбачева? Пожалуй, гонорарами, у Бурбулиса, видать, гонорары, побольше, раз завод убивает и ничего не боится, подлодки дорого стоят, очень дорого, тем более атомные!

Целую ночь – а? Бурбулис рыдал, как девочка, когда он, Президент страны, отказал ему в вице-президентстве, то есть в должности.

Вон как хотел! Обрыдался, сердечный, сначала – депрессия, потом запой на неделю, психиатры не отходили, думали, что повесится, спьяну, тип характера у него такой, говорят! – А тут еще Гайдар нажрался и заснул, понимаешь, прямо на исторических паркетах

Грановитовой палаты. Кто-то из министров, похоже Полторанин, вымазал Гайдара шоколадом, губы намазал, щеки... Да, Полторанин, конечно, его почерк, больше некому!

Соратники, черт бы их побрал, демократы... А на Горбачева, между прочим, Бурбулис чем-то и впрямь похож; никчемные люди (болтуны!) всегда похожи друг на друга! Доказано (и Горбачев признал это на допросах в Генпрокуратуре), что Ро Дэ У, Президент Южной Кореи, вручил ему, Горбачеву, сто тысяч долларов наличными в чеках «мастер-кард» на предъявителя.

Веселенькое дельце, да? И ведь концы в воду, понимаешь: его родня, Ирочка, допустим, любимая дочь, является в крупный (любой) западный банк и – вот они, «зеленые», целых сто тысяч!

За что платили, а? За особые отношения с Южной Кореей, обмен дипломатами... за что? Или – за Сахалинский шельф? За нефть и газ?..

Так дешево? Так мало?

Ельцин не мог разрушить Советский Союз, не мог. В Свердловске он приезжал в обком к восьми утра, в Москве было шесть, на два часа меньше: рабочий день Ельцина состоял из бесконечных звонков по ВЧ, совещаний и просто разговоров, за которыми он, первый секретарь обкома, постоянно чувствовал эту колоссальную силу – СССР. Брежнев звонил редко, с утра, говорил, как правило, одну и ту же фразу: «Знаешь, хочу с тобой посоветоваться...» Первые секретари не сомневались, это такой прием, Брежнев хотел, добивался, чтобы его любили, он умел заводить новых друзей, что, разумеется, не мешало ему (когда нужно) запросто выкидывать своих друзей, и новых, и старых, из их кабинетов. А все же приятно: тебе, на Урал, из Москвы звонит Генеральный секретарь, советуется...

Ельцин был больше хитер, чем умен, он привык рубить сплеча, сразу, его ум работал как наковальня: р-раз – баста! сказано – сделано.

Брежнев подарил Ельцину свои золотые часы. Через год, на митинге, Ельцин торжественно, под телекамеры, снимет их с руки и вручит молодому строителю Эдуарду Росселю, потому что Эдуард Россель пустит металлургический комбинат точь-в-точь как велел Ельцин: 19 декабря, в день рождения Леонида Ильича.

У Ельцина была своя система ценностей: из всех театров он предпочитал оперетту режиссера Курочкина, из книг он целый год читал только одну – Юрия Бондарева.

Ельцин не мог отказаться от своего прошлого, хотя российские демократы, особенно Галина Старовойтова (дама с чудовищным даром самовыдвижения), твердили: Ельцин эволюционирует так, что заставляет вспомнить Сахарова.

Что ж, он отлично сыграл свой выход из КПСС и без труда убедил всех, что он ляжет на рельсы, если в магазинах поднимутся цены. Народ ему поверил – на слово. В то время народ на слово верил всем. И было, было у Ельцина еще одно качество, совсем странное, почти невероятное для первого секретаря обкома – совесть.

Он легко, в одну ночь погубил в Свердловске Ипатьевский дом, а утром, спозаранок, уже бродил по свежему пустырю, как по кладбищу. Приказ Андропова есть приказ, но Ельцин хорошо, очень хорошо знал уральцев: его земляки гордились, именно гордились тем, что у них в городе грохнули царя. Если бы Ельцин все сделал бы так, как полагалось сделать, собрал бы бюро обкома и доложил коллегам о решении Политбюро, весть о кончине «Ипатия» тут же облетела бы город. Ельцин знал: утром бульдозеры уперлись бы в живое кольцо людей. Куда, куда он спешил?.. – Нет, он все сделал тихо, ночью, как вор!

Переживая, Ельцин медленно погружался в самого себя и становился тяжел. В такие минуты появлялась водка. Потребность в водке передалась Ельцину по наследству, вместе с кровью.

В роду Ельциных пили всегда. От водки погибли его прадед и дед. В прежние годы у Ельцина вдруг появилась бравада: наездившись по «объектам», он с удовольствием завора-

чивал к кому-нибудь из строителей на обед и после четвертой рюмки демонстрировал – на бис – «двустволку Ельцина»: широко открывал рот и лил водку из двух горлышек сразу. В 82-м случился первый сердечный приступ. «Показательные номера» прекратились. Он вдруг понял, что не справляется с жизнью и поэтому пьет, – от этой мысли Ельцину стало не по себе, теперь он скрывал от всех свое пьянство, быстро превращавшееся в болезнь.

Совість Ельцина была странной – как провинциальная девушка. Если угодно – дикой. Он любил, он умел орать, но он совершенно не умел ругаться. Он умел быть мстительным, злопамятным, беспощадным, но он не мог, просто не умел защитить себя самого. Он мог раздавить человека, пройтись по нему как каток, но он боялся случайно его обидеть. Как все тяжелые люди, Ельцин чувствовал себя достаточно неловко, ему постоянно казалось, что он смешон, неуклюж, что он *не смотрится* как Президент России, что ему не хватает ума и что это – видят все...

Или не видят?

Горбачев... – вон как погулял по стране – кто-нибудь заметил?

Сахалинский шельф: два человека, Горбачев и Шеварднадзе (вранье, что Президентский Совет), подарили – втихаря – Америке морскую территорию Советского Союза, более 50 тысяч квадратных километров! Примите, дорогие соседи, Тихий океан, все эти богатства нам, России, совершенно не нужны: нефть, газ, рыба и крабы!

Мы, русские, и так богаты, очень богаты, это у вас, дорогие соседи, у вас в Америке ничего нет – так забирайте, родные, сахалинский шельф: 7,7 тысячи квадратных в 200-мильной зоне и 46,7 тысячи квадратных километров самого шельфа. Аляску купили за две копейки... и шельф забирайте, нам для Соединенных Штатов ничего не жалко!

Взамен – ноль, ничего, вообще ничего, ни копейки, взамен – *психологическая* поддержка «дорогому Горби» в его борьбе с ним, с Ельциным, день ото дня набирающим силу...

Морские границы государства (не суша, все-таки) даже на карте, на огромной карте огромной страны сразу найти очень трудно: границы России на севере доходят, например, аж до полюса. – Так вот, Михаил Сергеевич просто отрубил втихаря «классические» воды (морской термин) Тихого океана от собственной державы; моря остались, океан уплыл вместе с рыбой, крабами, нефтью и газом; морская часть СССР (четыре Польши!) стала – по воле Горбачева – территорией Соединенных Штатов Америки.

А там, в российский (уже в прошлом) части Тихого океана, ни много ни мало 16 % всех (планетарных) запасов нефти и газа – 16 %, одна пятая мирового запаса углеводородов!

А рыба? Краб! Трубочка! Морская капуста и еж? Принимай, Америка, огромные русские богатства, не жалко!

Молодец Род Дэ У, просто гений: за сто тысяч долларов, всего за сто тысяч (он, видимо, был всего лишь посредником), получить десятки тысяч квадратных километров в Беринговом и Чукотском морях!

Сто тысяч в конверте. Прямо на аэродроме. С глазу на глаз. В карман!

Горбачев принял конверт и засунул его в боковой карман пиджака.

На Лубянке (Крючков) о деньгах узнали сразу, в ту самую минуту, когда Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна садились в самолет. В охране Президента был человек, перед которым (Крючков приказал) стояла задача действительно государственной важности: следить за тем, чтобы Михаил Сергеевич в поездках не торговал бы Родиной.

Торговал, сердечный. Не удержался!

Первые подозрения у «конторы» возникли, как ни странно... только год назад, не из-за Германии (вывод войск), а год назад, когда в Сан-Франциско Горбачев вдруг приказал устроить ему приватную встречу с Род Дэ У, – да так устроить эту встречу, чтобы о ней не знали ни КГБ, ни посол Бессмертных.

Встреча была. Посол Бессмертных узнал об этом ближе к ночи, резидент разведки – почти сразу.

Горбачев и Ро Дэ У очень понравились друг другу, любовь с первого взгляда, можно сказать, договорились о контактах, о людях для связи... да, Крючков, трус, конечно... промолчал, заткнулся, не сказал о долларах ни слова – никому!

Знать и молчать... – зачем? Чтобы ГКЧП устроить? Глупый вопрос, очень глупый: что было бы с Бушем, с Клинтоном... с любым президентом любого уважающего себя государства, если бы Ро Дэ У... не сто тысяч, куда там, хотя бы сто долларов засунул бы – вдруг – в чужой президентский карман?!

А Михаилу Сергеевичу... нашему... хоть бы хны: «Кинули, Володя, среди бумаг...» – скажет он Крючкову.

Горбачев... что, сам бумаги носит?

Крючков, естественно, записал весь этот бред на пленку и – в сейф. До лучших времен, так сказать. Пока этот вопрос закрыт, точка. (Зато появилось «досье».) Вот он, КГБ, вот она, ментальность генералов: Президент взятки берет, но если об этом узнает страна – послушайте, так это реверанс в сторону Ельцина, «сюжет» с взяткой, возможный импичмент, прокуратура... Горбачев в тюрьме, Ельцин в Кремле? – Кто (в итоге) в Матросской Тишине? Правильно, Крючков, зато Михаил Сергеевич... наш... – лауреат Нобелевской премии мира...

И что, Бурбулиса... туда же, к Крючкову в камеру?.. Получили, выходит, «новую Россию», совсем новую...

Ельцин был откровенен только с Ельциным, рассуждать он действительно любил – пытаться самого себя.

Наина Иосифовна где-то вычитала: хочешь узнать, чем озабочен твой народ, поинтересуйся, во что играют в песочнице дети.

Ельцин оживился, позвал Борьку, внука:

– Вы там... во что играете, понимаешь? С ребятами.

– В игрушки, – насторожился Борька.

– Так-ить. В какие?

– В пейджер.

– Рассказывай, значит...

– А у кого пейджер есть, – отрапортовал внук, – а у кого нет. Если пейджера нет, значит, лох.

– У! – Ельцин насторожился. – А у меня нет, понимаешь...

– А тебе не нужно, дед. Ты – царь. А у дяди Саши есть... у Коржакова.

– У него-ить тоже нет, понимаешь... Точно тебе говорю.

– Ну вы... даете... – удивился Борька. – А что, запахло купить?

– Доклад окончен. Иди...

Откуда ему, Президенту страны, знать, что дети в песочнице обычно играют в еду: у кого что на завтрак, что мама дала сегодня с собой...

А Гайдар, это чудо природы? Если верить газетам, не Ельцин, нет, у нас Гайдар лицо (рожа?) русской демократии.

Чудеса, конечно: вдруг все – все! – и журналисты, и писатели, и актеры – стали разбираться в вопросах рынка, то есть в экономике.

Политически активная Лия Ахеджакова в Доме кино заявила... со сцены... что она, актриса Ахеджакова, будет лично... как бы все помягче сказать, да?.. мочиться... на каждого, кто хоть пальцем тронет Егора Тимуровича...

Так они понимают демократию. Так они ее берегут...

Всей страной – в рынок. Даешь рай на землю немедленно!

Интересно: в Сахаре может быть рынок? В пустыне Сахара? На Северном полюсе? В Гренландии? На Аляске? В степях Монголии?

А Таймыр, русский Таймыр, чем лучше? Окраины России: Тыва, Хакасия, Читинская область, Корякия, Эвенкия, Улан-Удэ? Берег Ледовитого океана, то есть (жаргон, конечно) «севера»?

Китайцы, люди абсолютно рациональные: вот так, раздухарившись (вдруг), *в один день* они, наши великие соседи, рискнули бы ввести рыночные отношения на *всей* своей территории, на *всех* своих землях, всех сразу, абсолютно разных?

Например – в северных провинциях, граничащих с Россией?

Им с чем в рынок идти, этим провинциям, этим регионам, если здесь, на этих землях: а) толком ничего не произведешь (нет рабочей силы) и б) ничего толком не вырастишь (чудовищный климат)! Самое главное: далеко (с товаром) отсюда не уедешь, дорогое топливо, очень дорогое, вокруг горы, – а в Тыву, в Кызыл по-прежнему нет железной дороги! Сталин, не жалевший, как известно, заключенных, даже Сталин не сумел эту дорогу построить, ибо атомную бомбу дешевле создать, чем железную дорогу в Тыву...

Юг Гренландии на той же широте, что и русская Вологда. По температурному режиму Анкоридж, столица Аляски, – север Омской области. Из восьмидесяти девяти российских областей, краев и республик почти шестьдесят областей – шестьдесят! – никогда не прокормят сами себя, никогда и ни за что, такая, извините, география.

А Гайдар? А Чубайс? Если от человека ждут идиотизма (американцы требовали), его обычно называют профессионалом!..

Как можно на 1/8 части планеты вводить рынок *одним* махом, одним декретом – на землях, где половина площадей, если не больше, по географии, хотя бы по географии, по климату, совершенно для рынка не годятся, ибо земли тоже бывают разные – вот как?

Шпицберген и Новая Земля: здесь с 50-х, даже чуть раньше, работали уникальные (военные) специалисты.

Гайдар сразу, едва став и.о. премьер-министра, отказал «северам» в государственной поддержке. Никаких разговоров! Зачем их кормить, этих атомщиков, этих дармоедов, прости Господи, привыкших жить как при коммунизме, кому нужны сейчас их бомбы, время давным-давно изменилось, сейчас все люди – братья!

Никакой возможности уехать на «большую землю», никакой!

Нет самолетов. Нет денег. Один теплоход в году – старый, крошечный, вонючий, так и он не по карману аборигенам-атомщикам, черт бы побрал эту новую жизнь!

92-й – 93-й: на Шпицбергене сотни новых могил: люди (прежде всего ученые) *умирают от голода*.

Сразу же приходят норвежцы, десятки тысяч норвежцев: русские – вымирают, у них, у русских, такое сейчас время, норвежцы (на своей части Шпицбергена) день и ночь строят военные базы.

Японцы кинулись на Курилы: если россиянам не нужны их земли, здесь живем мы!..

Жуткая тема, больная – Китай. Начиная с 1991 года китайцы получили от руководства Российской Федерации в *подарок* более двухсот тысяч гектаров русской земли.

В подарок! Вот так, просто, от широты русской души: пострадали (особенно пострадали) Читинский и Амурский регионы, Хабаровский край, Еврейская автономия.

Ельцин был готов отдать Китаю и Хасанский район в Приморье, *весь район*, озеро, где когда-то бились насмерть русские полки, но местный губернатор Наздратенко так красочно описал Ельцину, что люди в Приморье, тысячи людей, выйдут – в знак протеста – на улицы... – Ельцин дрогнул, разумеется, приказав шефу разведки Примакову серьезно поговорить с Наздратенко, успокоить его, психопата, и все-таки – убедить, но Наздратенко взбе-

силса еще больше и послал (в частной беседе) за ужином интеллигентнейшего Примакова на три русские буквы – в пешее эротическое путешествие...

Хасан отсталяли, Ельцин сдался, но двести тысяч гектаров дальневосточной земли – все-таки отрезали.

Вот так, взяли – и отрезали. Как корова языком слизала. А что, порадовали Соединенные Штаты «зоной Шеварднадзе», нефтью и рыбой, Китай-то, Китай, наш сосед, чем хуже?!

Гайдар, умница, твердит: «государство должно уйти из экономики...» Успехи экономики (любой) определяются одним критерием, главным – как люди живут, ибо «все процессы реакционны, если рушится человек», кто с этим спорит?.. Экономика (товары и цена) прежде всего стране служат, верно? А народ это и есть страна!

Начиная с 1992 года смерть (на территории России) триумфально опередила жизнь: Россия ежегодно теряет – в среднем – до миллиона своих жителей.

Если и дальше так пойдет, через 145 лет, простая арифметика, россиян в России вообще не останется – смерть (миллион людей в год!) окончательно, бесповоротно победит жизнь...

Точка невозврата...

Рынок – это конкуренция товаров, прежде всего конкуренция товаров, – верно? Полуостров Таймыр, русская глубинка: какая, к черту, на Таймыре может быть конкуренция? Каких товаров? На Таймыре нет денег, такая вот забавная деталь: на Таймыре давно уже *нет денег*, просто нет; начиная с 1992-го здесь, на полуострове, людям ни разу (из года в год!) не выдавали заработную плату и пенсии. Нигде. Никому. И ни разу никто из них, рабочих людей, не восстал и не возмутился. Просто не платили, и все: в отдельных районах по *шесть-семь* лет, где-то – и все *девять*...

Лет, господа. Забытая Россия. Неизвестная. Брошенная.

Русский ад.

И – абсолютный рекорд в книге Гиннеса: люди девять лет живут на подножном корму без единой копейки!

Почему они, эти люди, не бросали работу? Ждали чего? А потому, что Россия! Работа, скрепленная четкой записью в трудовой книжке, есть *хоть какая-то* надежда на деньги, на будущую зарплату, на жизнь.

Когда-нибудь жизнь должна, наконец, стать жизнью, а?..

Да и бежать некуда; случалось, люди на Таймыре (на Чукотке, в Корякии etc) меняли свои благоустроенные трех-, четырехкомнатные квартиры на билет в Москву, в один конец, но желающих схватить недвижимость в Палане или в Норильске за один, хотя бы за один билет на самолет – не было.

А ведь это кладовая России, полуостров Таймыр! Никель, золото, платина... – богатств здесь на триллионы долларов, а «живых» денег нет; никель, золото и платина есть, но денег, рублей – нет. За что, спрашивается, им, *коренным* народам, деньги платить, если их рыба, их оленина раз десять сгниют, пока их доставят туда, на «большую землю», где есть хоть какой-то покупательский спрос? Либо сгниют, либо (плечо перевозки) станут золотыми, действительно золотыми, то есть тоже сгниют в конце концов?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.